

Ольга Романовская

Гранит науки и немного любви

Ольга Романовская

Гранит науки и немного любви

Серия «Волшебная академия (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22576476

Гранит науки и немного любви / Ольга Романовская: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-099317-8

Аннотация

Агния Выжга очень хотела поступить в Академию магии. Почему бы и нет? Только она замужем, а супруг категорически против: два мага в доме – перебор, да и дара у Агнии нет. Но упрямство открывало и не такие двери.

Говорите, путь тернист? Ведьмой не стану? Так я рядом постою, ассистировать буду, но свою мечту осуществляю.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	41
Глава 3	78
Глава 4	122
Глава 5	158
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Ольга Романовская

Гранит науки и немного любви

Глава 1

Обстоятельства переменчивы, принципы – никогда

– Ты сбрендила?!

Начало выглядело обнадеживающим, но я и ожидала чего-то подобного. Не пожеланий же доброго пути! Поэтому сидела, болтала ногами и жевала яблоко. Медленно, наслаждаясь вкусом и не обращая внимания на громогласные тирады. Для себя я давным-давно все решила, а чужое мнение... Лесом и степью, дорогие и любимые! Я не нанималась всю жизнь провести на кухне в полном невежестве. Сидеть дома только потому, что маму угораздило родить меня от вампира. Правда, семейное предание вызывало сомнения: сложно забеременеть от существа, которому в постели без свежей крови и стимуляторов никуда. Откуда знаю? Любила сплетни слушать. Одну девушку вампир на кладбище подловил. Та легко отделалась – не получилось у насильника. Так

расстроился, бедняжка, что отпустил на все четыре стороны, только шрамы на запястье на память оставил. Еще одно заблуждение – вампиры не за горло хватают. Выходит, лгала матушка или вампир попался свежеиспеченный.

Подозреваю, заделал меня некромант, оживлявший несчастную деву. О нем-то мне не рассказывали, всегда отмахивались. Станные все же люди: родить от вампира – почет и уважение, а залететь от мага – позор. Что поделаешь, клеймили незаконнорожденных детей, вот и выдумывали истории.

Любила ли мама отца, или он так, не спрашивая, познакомился, пока жертва в себя приходила? Матушка ведь и сейчас у меня хороша, мужчины заглядываются. Но она крепень, никого не подпускает. Замуж, впрочем, вышла, не сразу, а как я подросла. И меня вот спихнула. Вернее, я сама пошла, по большой и чистой любви. И теперь моя любовь заявляла, что место мне с половником на кухне, а не в библиотеке с книгами. Нет, честно, а? Сам выучился, магичит, только по-мелкому. Дело свое завел, дом новый построил. На кухне оно и заливался соловьем.

Кивала, жевала и думала о своем. В частности, что скоро завою от тоски. Муж Хендрик, даром что маг, оказался заурядным человеком. Нет, ухаживал красиво, цветы из воздуха создавал, бесплатно отчиму помогал. Он у меня сельский староста, услугами чародеев пользовался регулярно. Они, как известно, недешевы, а проблемы с распоясавшейся нечи-

стью рогатиной не решишь. Хендрик пришелся кстати.

Взглянула на мужа, битый час живописавшего умственные способности женщин, – до сих пор хорош, зараза! Зеленоглазый высокий шатен. Девчонки по нему сохли, пако-сти всякие делали, лишь бы на них внимание обратил, а он ни в какую, только Агния. Впрочем, я его понимаю: лицом и фигурой вышла, а уж когда волосы распушу – русалка русалкой! Тоже, к слову, зеленоглазая, но блондинка. Иногда в рыжий цвет крашусь: мне идет, и мужу нравится.

Русалка я неслучайно. Мы с Хендриком на речке близко познакомились. В те времена я хихикала и заставляла будущего мужа целоваться с веником. Как? Очень просто: он впотьмах потянется, а я веник подставляю.

Река в лесу протекала, среди березок. У меня там свое укромное местечко. Парни за девками подглядывать горазды, вот и забралась подальше. По теплomu времени купалась в чем мать родила, а Хендрик, зараза, выследил, вещи украл. Мне из воды выходить – а нет ничего. Поклонник стоит, улыбается, прелести рассматривает, а мне и прикрыться нечем, только волосами – спасибо, длинные. Просидела в воде часа два, потом вылезла. Поцелуями не отделалась, канула в омут девичья честь. Получив, что хотел, Хендрик отдал одежду, помог заплести косу, до дома проводил. Думала: ходить перестанет – нет, зачастил пуще прежнего. Начал в сенях тискать, на сеновал приглашать. Я не возражала: маг ведь! И влюблена была, как кошка. Только прознали родные и замуж

спихнули.

И вот сижу теперь на кухне, а Хендрик убеждает, что в академию таких, как я, даже вольнослушателями не берут. И вообще способностей у меня никаких, знаний тоже – не позорилась бы! Вишь, взбрела в голову всякая чушь, да и два мага в семье – перебор. Мне бы детей рожать и за хозяйством следить. Увы, в свои восемнадцать рожать я категорически не собиралась, только у мужа, похоже, иные планы. Дал погулять, к супружеской жизни привыкнуть и поставил перед фактом: вместо академии ребенка заведем. И ведь сдержит обещание. Под боком леса с травами нет, а в городе такого не купишь, да и замужней не положено. Ну, если очень хочется, можно, конечно, но дорого: мне карманных денег не хватит. Вот ведьмам легче – никаких запретов, сама взяла и приготовила.

Словом, рожать мне не хотелось, а вот в столицу податься и попробовать сдать экзамены – очень даже. Не сумею, значит, не судьба. Да и ничего дурного не случится, если засяду грызть гранит науки и повременю с наследником, только как объяснить это мужу? Уперся, баран, слушать ничего не желает. Мужчина, что с него возьмешь!

Матушка, безусловно, тоже назвала бы дурой. Она не одобряла женского учения сверх нормы, ограничивавшейся двумя «д», одним «м» и одним «г». С «д» все просто: дом и дети. «М» – муж. «Г» – грамота. Всеми премудростями я овладела, мужем обзавелась, дети тоже намечались через

пару лет... Стоп, не дети, а ребенок. Не нанималась пеленки стирать и целыми днями на кухне торчать. Да и на какие деньги, дорогой? Или ты от меня что-то скрываешь?

– Хендрик, ты повторяешься, новое придумай, а? – Лениво потянулась за другим яблоком: первое догрызла. – То, что ума у женщины на дырявый медяк, я уже поняла, но почему-то не поглупела.

– Милая, а чем тогда все объяснить? – скрестив руки на груди, Хендрик в упор глядел на меня.

Красивый, сволочь! Вот скажите, почему у женщин слабость к привлекательным мужчинам? Муж знал, от чего я млею, после серьезной ссоры тащил в постель. Брыкалась, шипела, но сдавалась. Может, он и тогда, два года назад, тоже знал? Словом, брал благоверный главным мужским оружием, но исключительно тогда, когда аргументы кончались. Сейчас не тот случай. Хендрик считал себя правым.

– Что именно? – простодушно улыбнулась.

– Твою глупую затею. Я никуда тебя не отпущу – и точка.

Надо же, какие мы грозные! Приказывает, думает, слушаюсь? Ну-ну! Если я чего-то очень хочу, получу. Для чего, пока сама не поняла, но точно знаю: пригодится. Хотя бы для того, чтобы не стать придатком Хендрика. А так кто я такая? Прачка, кухарка, любовница. Муж ведь со мной ни о чем не разговаривает, как гости придут, велит помалкивать, вот и решила: хочу быть с ним на равных. Тайком начала по конспектам, книжкам лазать – даром, что ли, «г», то есть

грамоту, освоила? Только ни бельмеса не понятно!

– Милый, а я тебя спрашивала? Просто перед фактом поставила.

Хендрик остоленел, уставился на меня, будто рыба, выпучив глаза. Даже испугалась: не случился ли удар?

– Агния, ты на солнышке перегрелась? Не больна, часом? Нет, отмер. Подошел, потрогал лоб.

– Солнышка три дня не видно.

Встала, чмокнула его в висок и направилась к печке: я кашу томиться поставила, нужно взглянуть. Заодно подумаю, на какой кобыле к благоверному подъехать. Бой предстоит нешуточный, не лишнее платье купить! Лишнее, разумеется, с точки зрения Хендрика: любой женщине известно, много платьев не бывает.

– Значит, грибочков объелась, – резюмировал муж и похозяйски положил руку на талию. – Сама подумай: через неделю, поджав хвост, прибежишь.

– А если не прибегу?

– Агния, не спорь. Сама прекрасно все понимаешь, только признавать, что не права, не желаешь. Зачем тебе учеба, ребенок гораздо лучше.

– Угу, счастье материнства и все такое, – пробурчала я, шуруя ухватом в печи. – Не спать ночами, кормить, поить, пеленать. Нет, скажи честно: я для тебя дура?

– Иногда, – муж оказался оскорбительно честен, нет чтобы соврать!

Надувшись, упрямо заявила:

– Все равно поеду! Провалюсь так провалюсь.

– Перед людьми не позорься! – Хендрик опять повысил голос. – Твое место здесь.

– Когда ты успел стать рабовладельцем?

– Не мели чепухи!

Муж рывкнул так, что я вздрогнула и выронила ухват. Горшок с кашей чудом не разбился, плюхнувшись на печь. Хорошо, невысоко летел, а то остались бы без обеда.

Ясно, костями ляжет, но не отпустит, еще мать привлечет и свою родню. Она у него большая.

Потом подумала: а что, собственно, Хендрик сделает? Не ударит же! Запрет? Будто я через окно не вылезу! Сколько раз проделывала. К кровати привяжет? Так ведь противозаконно. Письменно запретит уезжать? Так я жена, а не скотина. Словом, покричит и смирится.

– Хендрик, а Хендрик, ты меня любишь? – вкрадчиво поинтересовалась я.

Ой, не терпят мужчины этого вопроса! Вот и мой сразу стушевался, притих, а я гну свою линию:

– Если любишь, должен заботиться. Не хочешь одну отпускать, свези сам.

Снова встал в позу, насупился, завел речь о помутнении рассудка, а после и вовсе велел компот сварить. Вот ведь гад!

– Зачем мне компот, я в академию хочу.

– Хотеть не вредно. Делай уж, что хорошо выходит, а не

в свое дело не лезь.

Не в свое дело, значит? Ничего, я упрямая, без твоего согласия уеду. Женщина – существо такое. Своеобразное.

Проигрывать бой не хотелось, поэтому продолжала словесную пикировку. Перво-наперво с прищуром поинтересовалась, какое такое мое дело:

– Просвети недалекую деревенщину.

– Еду готовить.

Хендрик плюхнулся на стул. Спор его изрядно вымотал.

– Тапочки носить, за почтой бегать? – хотелось отомстить за «дуру».

– Взрослая женщина, а ведешь себя!.. Я бредовым идеям потворствовать не стану.

– Я же твоим потворствую, – снова занялась кашей.

Вроде не пересолила. Пусть еще потомится.

– Агния, я не слушаю. – Хендрик демонстративно закрыл уши руками. – Ты не в себе.

– В себе, себе, – ехидничала я, почуяв вкус близкой победы, – пока никуда не уходила.

– Да куда ты денешься! – отмахнулся муж.

Слушал-таки!

Ах вот как? Тогда сам себе компот вари и ужин готовь.

Молча вышла из кухни и громко хлопнула входной дверью.

Родные мне не союзники, посему прямая дорога мне на постоянный двор. Может, найдется добрая, бескорыстная ду-

ша? Я особо не надеялась, сама абы кого с собой в путь не взяла бы.

Ноги сами принесли. Нет, не к постоялому двору, а к трактиру, который содержал благоверный давней приятельницы. Именно отсюда я частенько забирала муженька. Мельком бросив взгляд на вывеску – сразу догадаешься, что медведь, – толкнула дверь и вошла. Народец есть, но тихий, собой занят. Не чадят, перегаром не дышат. Пока шла к стойке, окинула взглядом честную компанию. Поди разбери, кто купец! Ладно, узнаем.

Плюхнулась за стойку и заказала пива. Оно оказалось вкусным, с густой пеной и запахом хмеля. С удовольствием потягивала из кружки, игнорируя неодобрительные взгляды Шорта. Пила в долг – нас тут знают, а денег в переднике не ношу. Леший, я его снять забыла! Все Хендрик! Заболтал, расстроил.

– Шорт, – вкрадчиво поинтересовалась я, смакуя содержимое кружки, – а тут столичных торговцев нету?

– Зачем тебе? – насторожился Шорт.

– Любовника побогаче хочу найти.

Мысленно хихикнула. Что, съел? И сказать нечего.

Шорт вытер кружки и усмехнулся:

– Ну и шутница ты, Агния! Есть тут один... Тебе для какой цели?

– Новости узнать.

Человечка мне указали, и я поплелась к нему. Кружку

прихватила. Знаю я, вернешься, а пива уже след простыл. Кружка, увы, большая, рассчитана на мужчину, цедить придется до ночи.

– Вечер добрый!

Русалочья внешность и зеленые глаза сделали свое дело. на меня обратили внимание.

Приветливо улыбнулась троице за столом, кокетливо поправила волосы и незаметно дернула за ленту, чтобы они густой волной рассыпались по плечам. Вот и фартук пригодился: убрала туда ленточку.

Шорт осуждающе косится. Пускай!

Если тебя чем-то наделили, пользуйся для достижения цели. То, что замужем, не скрою, но и колечко показывать раньше времени не стану.

Эх, не нагулялась, повелась на всяких зеленоглазых, а может, мне эльфийский принц судьбой предназначен? Но, как говаривала тетушка: брак – не клеймо, всегда избавиться можно. Я Хендрика бросать, разумеется, не собиралась (пока, во всяком случае), но и в вековое ярмо впрягаться не желала.

– Добрый, краля. Ты чья будешь?

– Своя собственная. Сесть рядом разрешите?

Подвинулись, разрешили.

Как бы нужный разговор завести? Не в лоб же: «Хочу в столицу, а муж не пускает». Тогда точно академии не увижу и даже не как своих ушей: последние хоть в зеркале отража-

ются. Шорт за милую душу заложит муженьку. Хм, а ведь он и так расскажет, надо бы его куда-нибудь спроводить. Хоть бы клиенты подошли!

Храни меня, моя звезда! Охотник на вампиров пожаловал.

Скосив глаза, проводила взглядом мрачного субъекта, не дававшего спокойно спать в гробах упырям и вечно живым любителям чужой крови. Ну и амулетов на нем! Интересно, они действительно защищают? К примеру, тот, с глазом? Так и хотелось подойти, спросить. Признаться, пару раз порывалась купить нечто подобное, но Хендрик от палаток торговцев отгонял. Сам он россыпь побрякушек не носил, только амулет на кожаном шнурке, неказистый, из потемневшего металла, даже в постели не снимал. Зато у охотника поверх куртки целый цветник! Будто градоправитель в праздничный день. Что-то мне подсказывало, для красоты все, народ попугать, цену набить. Я бы лучше Хендрику заплатила: у него диплом, а не просто совиные брови.

Незаметно перевернула обручальное колечко камушком внутрь и продолжила загадочно потягивать пиво. Оно уже не лезло в горло, но с кружкой расставаться нельзя: чем еще займу руки? Не сидеть же и пялиться на людей? Мягко говоря, невежливо. А то, что молчу... Так пусть сами спросят.

Так, есть! Именем интересуются, планами на вечер. Я глазки строю, кокетничаю – куда там всяким сиренам! Хендрик рассказывал, есть такие полуженщины-полуптицы, кото-

рые мужиков охмуряют. У нас перевелись, а за морем остались. Говорю, что свободна, что закат могу с ними посмотреть, а вот на звезды – ни-ни. Потом вздыхаю: в столицу к любимой бабушке отвезти некому.

Клюнули!

Условившись, где и когда встретимся, вспомнила о муже – злом и некормленном. Влила в себя остатки пива, соврала про дела и поплелась к благоверному мириться. Вернее, я-то с ним не ссорилась, но без извинений подозрительный Хендрик все планы порушит. Вот ведь упертый мужик! А еще меня упрямой называет. Я не настойчивая, просто должна же у человека быть мечта? Что плохого, если он к ней стремится, или женщинам не положено?

Дома, вопреки ожиданиям, меня не ждали с распростертыми объятиями. Никаких: «Дорогая, я волновался, скучал!» Даже обидно стало. Будто на рынок пошла! Или это метод борьбы с несговорчивой женой?

Хендрик с абсолютно равнодушным видом уминал кашу. Отрезал шмат колбасы и жевал. Ну вот, прекрасно без меня обойдется.

– Нагулялась, голову проветрила?

Так, спокойно, он меня провоцирует. Истеричек в маги не берут, поэтому соберись, Агния, и дай отпор противнику.

– Ага, много светлых мыслей надуло.

– Например? – Хендрик оторвался от чугунка, с прищуром глянул на меня.

– Что надо тебе компот сварить или варенье. Если будешь хорошим мальчиком. А ты, увы, – тяжкий вздох, – меня огорчаешь.

Муж пропустил колкости мимо ушей. Он вообще не особо меня слушал: пусть женщина языком мелет, ничего умного не скажет.

Достала тарелку, пристроилась ужинать рядом. Хендрик принюхался и нахмурился.

– Агния, ты пила?!

Только глаза такие делать не надо: сам вынудил.

– Угу. Запивала горечь на мужа, который столько гадостей наговорил.

Делано шмыгнула носом и отвернулась, надув губки. Я, конечно, не обиделась, но для дела нужно. Заодно сердиться, жуя, удобно.

Хендрик оказался непробиваем: извиняться не собирался, более того, продолжил разговор на тему «Женщина и наука». Заключение осталось прежним: никуда не поедешь.

Пожала плечами.

– Поеду. Не сейчас, так потом.

– Расхочется, – усмехнулся муж. – Это ты от скуки.

От скуки?!

Захотелось вскочить и треснуть его половником. Женщины дома не бездельничают, а работают. Еда, чистые рубашки и мытая посуда с неба не падают.

– Но ты же учился, почему я не могу?

– Дара нет, – отрезал всезнающий муж. – Агния, кончай, надоело! Ты как капризный ребенок. Отвезу-ка я тебя к матери: физический труд полезен.

Вовремя я с купцами сговорилась! С Хендрика станется завтра обещание сдержать.

– Избавиться хочешь?

– Агния! – он с укором посмотрел на меня. – Ты прекрасно знаешь, что все это для твоего же блага. За тобой пригляд нужен, чтобы глупостей не натворила. От кого набралась-то?

– От тебя. Ты же маг.

– Твой отчим – староста, но твоя матушка управлять древней не лезет. Не женское это дело. И магия тоже.

Женоненавистник какой-то! Как меня угораздило за него выйти?

Вечер прошел мирно: у мужа за книгами, у меня – за вышиванием. После Хендрик выдал горькое снадобье, способствующее успокоению нервов и улетучиванию глупых мыслей. И все, свободна.

Нацарапала на клочке бумаги короткую записку: «Не волнуйся, со мной все в порядке. Потом напишу. И я не сбрендила!» Оставила послание на кухонном столе, чтобы с утра увидел, переполох не поднял, и потопала в спальню. Хендрик так рано не ложится: либо в кабинете сидит, либо у огонька пьет, читает.

Вещей взяла немного: сколько унесу в холщовой торбе. Я с ней на рынок ходила, а теперь вот в столицу поеду. Когда

явился муж, успела все припрятать и лечь в постель.

Хендрик разделся, толкнул в бок. Ясно, супружеский долг. Быстро, безо всяких извинений. Не понравилось совершенно. После муж завалился рядом, по привычке положив руку на живот. Ладно, потом скину, или сам на другой бок перевернется: в обнимку мы не спим.

Супруг захрапел, а я ворочалась, с нетерпением ожидая, когда забрезжит рассвет.

Завтра сбудется моя заветная мечта!

А вдруг муж проснется? Кинула на него взгляд. Да нет, Хендрика и пушкой не разбудишь. Эх, а ведь прежде... Помнится, всю ночь могли не спать.

С тоской покосилась на супружника. Такой хорошенький! Взяла бы и расцеловала, только вот проснется и начнет. Про таких, как Хендрик, говорят: милый, пока спит.

Не удержалась, забылась-таки чутким сном, едва первых петухов не проворонила. Осторожно сползла с кровати, пригладила волосы пятерней – и шасть за дверь с торбой. Одевалась так, словно стая волков гналась, все боялась, Хендрик проснется, хватится. Обошлось.

Дверь не скрипнула. Еще бы, вчера столько масла извела! Воровато припустила по росе к постоялому двору.

Сердце прыгало в груди, колотилось о ребра. Вдруг уехали, меня не дождались? Девка – всегда к беде, у народа примет и поговорок хватает. Нет, уф, стоят, родимые! Замедлила шаг, нацепила на лицо улыбку. Ох, чую, напугаю! Я ж со

сна такая красавица, с кикиморами дружить.

Купцы деловито пересчитывали тюки с мукой, покрикивали на нерасторопных возчиков и украдкой зевали в кулак. Оно и понятно: заря только занялась, только выезжать нужно непременно с первыми лучами, чтобы времени зря не терять.

– Привет, красавица! – кивнул давешний знакомый и подмигнул.

На этот случай у меня ножичек припасен, а под рубашкой кошелек зашит. Я женщина честная, мужнина жена, посмотреть позволю, а трогать не дам. Словом, чувствую, предстоит тяжелый разговор. Как бы не ссадили по дороге!

Поболтали о том о сем – так, чтобы время занять. Я сразу главного нашла, монетку сунула – задаток. Тот на зуб попробовал, кивнул. Садись, мол. Я и устроилась на тюках, будто на перине. Улыбаться улыбалась, только все на ворота посматривала: Хендрика боялась. Только дрых муженек. Он так рано не встает, не в поле ж работать! Это мы с матушкой поднимались ни свет ни заря. Скотина ждать не будет.

Но вот купеческий караван тронулся, началось мое путешествие в столицу. Оно выдалось не таким, как представлялось. Во-первых, я отбила себе абсолютно все. Говоря: «Все», увы, не шутила. Подозреваю, синяки с пятой точки сойдут не скоро. Во-вторых, скажите, какого... э-э-э... доброго духа, все прелести женского существования обостряются в самое неподходящее время?

Купцы, разумеется, расстроились, узнав, что сеновал от-

меняется. Они, конечно, попробовали, наметнули так ненавязчиво: а не отдохнуть ли в рощице? Не, я пошла, пожевала чужой провиант и сообщила: не могу, недельку обождать придется. Лица вытянулись, и все, плакала моя мягкая подстилка. Купцы набычились, надулись: обманула, девка! Сразу за проезд деньгу содрали. Ладно, в кошельке кое-чего осталось. Немного, но ведь студентам стипендия положена, да и не пришлось ножичек доставать. Не настолько я охоча до знаний, чтобы по рукам ходить.

Хендрик, к слову, огорчил. Вот где он, спрашивается? Любимая жена сбежала, а ему плевать. Баба с возу – кобыле легче. Вот припомню, утру нос мерзавцу. Будет знать, как о супруге заботиться!

После выяснилось, муж – не бессердечная скотина. Нашел-таки в харчевне. Я, разумеется, юркнула в кладовку, попросив купцов не говорить, что меня видели. За монету согласились соврать. Наблюдала за ним через щелочку, все ждала, Хендрик харчевню обшарит – увы и ах! Есть уселся, с подавальщицей ворковал. Так бы глаза и выцарапала! Ей. А ему... Умею я визжать на одной ноте – разбойники обзавидуются.

Еле сдержалась, чтобы не подойти, не плюхнуться нагло мужу на колени, чмокнуть в щеку и заняться содержимым тарелки. Глаза бы у вертлявой девицы повылезали, быстро бы смоталась. Хендрик же... Я тоже нотации читать умею, много наговорила бы о супружеской верности и любви ко

второй половинке. Что-то она в последнее время остыла. Или старая стала, два года пожил, пора новую искать? Помнится, Хендрик жениться не жаждал, если бы не отчим, не стала бы Выжгой. Зато цветы дарил, колечки, теперь иди, баба, на базар, денег на баловство нет.

Словом, крепко обиделась на мужа. Все ждала, что в пути нагонит, – и не подумал.

Наконец мы добрались до столицы. Она, конечно, не чета нашему городу – и больше, и красивее. Видна издали. Дух захватывает от разноцветных крыш, башен и башенок! Одни просто со шпильями, другие с флагами. Самый большой – с гербом Златории: тремя синими рыбами на золотом фоне, – разумеется, плескался на ветру над воротами, чтобы все видели, их встречает столица.

Город опоясывали стены. Такие высокие! Как и мусорные кучи под ними. Хихикнула: куда без них! Забираются горожане наверх и отпускают хлам в свободный полет. И лежит он спокойненько в овраге, миазмы испускает. Заумное словечко «миазмы» переняла от мужа: Хендрик когда-то со мной разговаривал не только о кастрюлях. Давненько, увы, до свадьбы.

Как ни хотелось, пришлось слезть: с пеших въездной пошлины не берут. Или только с таких убогих, как я? На всякий случай состроила скорбное лицо и придумала легенду о бродяге-муже, который обрюхатил и бросил, а я к маме иду. Надеюсь, где мама живет, спрашивать не станут, а то,

что живота нет, так сменную одежду под платье подсунула – и сразу на шестом месяце.

Стражники меня проигнорировали, мазнули взглядом, и гуляй, локтями то есть работай. Толчея у ворот – базар позавидует! Хоть и вправду лягайся. С горем пополам, не потеряв вещички, протиснулась и разинула рот. Святые отцы, куда ж мне теперь! Где эта бесова академия? Я по дурости полагала, быстро ее найду – ага, щас! Вот новых хозяев для кошелька – запросто, поэтому рот закрыла, а кошелек намертво к себе прижала. Потопала туда, куда люди шли. Авось хоть на местную базарную площадь выйду.

Нет, домища-то! Мы с Хендриком в таком живем, но муж – маг, а тут у самых стен стоят, явно, небогатые обитают. Все, тоже другие хоромы хочу. Выучусь, заработаю денег и построю. Может, даже в два этажа, как тот, за углом.

Пару раз меня, разинувшую рот провинциалку, чуть не задавили лошадьми, еще с десятков обругали. Вздохнула с облегчением, когда по бокам улицы появились деревянные настилы. По ним не скакали всадники и не сновали повозки, зато ходили разносчики с широченными коробами. Попробуй обойди такого! На то и рассчитано, чтобы купила кренделек. Только я все повадки знаю, просто так с медяком не расстанусь.

Меня действительно вынесло на рыночную площадь. Только на центральную она совсем не походила. Обычные домишки, ни Управы тебе, ни гостиницы. Видимо, в столице

все иначе устроено. Пошаталась по рядам, приценилась к вещичкам, купила пирожков и кувшинчик морса – я запасливая, бережливая, да и подкрепиться не помешает, – и решила вспомнить, что язык не только до неприятностей доведет.

Оказалось, академия совсем в другой части города, и топать мне до нее столько, что ноги собою. Ничего, такой мелочью меня не остановишь. Заодно узнала, как зовется столица нашей славной Златории – Вышград. Не смейтесь, землеписание меня прежде не интересовало, поэтому столицу я по-свойски именовала просто столицей.

Пристроившись на скамеечке в небольшом садике между кварталами – уютно тут, особенно на солнышке, – пообедала и отправилась покорять сердца ученых старцев. Чутье подсказывало, я окажусь самой великовозрастной среди поступающих. Хоть бы девочки-то были! Должны: ведуньи не из воздуха берутся.

Дорога весело бежала под горку. Мне нравилось: не люблю монотонность пейзажа. Хотелось бы, чтобы академия стояла на горшке: смотрела бы я оттуда на Вышград и любовалась черепичными крышами. Похоже, моей мечте суждено сбыться: впереди маячило нечто большое с башенками и флюгерами и как раз на холме.

Ох, сердце сразу зашло, так страшно стало! Вдруг не примут? Под дверьми караулить стану, но домой не вернусь. Хендрик засмеет, до конца жизни припоминать будет.

Чтобы немного успокоиться, решила сбавить шаг, погля-

дети на дома. Они тут не одноэтажные с мезонином, а в два, иногда и в три этажа.

Уступив усталости и страху перед неизвестностью, плюхнулась на ближайшее крыльцо, уставилась на горгулий напротив. Такими детей пугать – а они водостоки охраняют.

Дома сплошь каменные, вход в иные прячется за решетками. Сразу видно, богатые люди живут.

Интересно, а королевский дворец где? Повертела головой, но ничего кроме башенок в просвете улицы не увидела. Еще липы в золоте цветения. Красота! А запах какой! Вечно бы нюхала.

Академию окружала ограда. Не витая, самая обыкновенная, с острыми верхушками копий. Видимо, чтобы студенты не лазили. За ней – парк. Деревья и кусты подстрижены. Хм, это я поторопилась: обрезали их не ножницами, а местными заклинаниями. Один куст и вовсе сожгли. Надеюсь, хотя бы по дорожкам без боязни ходить можно.

Да тут целый городок! Вырос на окраине Вышграда. Вид на столицу отсюда отменный, и пресловутый королевский дворец видно. Потом схожу посмотрю. Заодно поем. Могла бы и сейчас завернуть в какой-нибудь погребок, но боялась, за едой пропущу запись. Вот обидно-то будет! Ничего, кренделем в торговых рядах червячка заморила, до вечера доживу. Голодать даже полезно, стройность фигуры сохраняет.

Как же здесь интересно! Ни на минуту не пожалела, что выбралась из своего мирка. Рынок, дом, трактир Шорта, гу-

лянья по праздникам – больше ничего и не видела, а тут не соскучишься.

Отряхнула пыль с одежды, заново переплела косы и убрала косынку в сумку – тут так не ходят, и я не стану: не желаю прослыть деревенщиной. Платице нужно новое прикупить, по местной моде, а то крестьянка крестьянкой! А ведь раньше оно казалось милым. Надышалась столичным воздухом!

Ну вот, вроде на чучело не похожа.

Глубоко вздохнула и отправилась на поиски ворот или иного входа. Искала его не я одна: группки таких же страждущих, шумно щебеча, брели по дорожкам. Пристроилась к ним, надеясь, выведут. Идут целенаправленно, точно знают, где вход.

Занятный парк! Тут не только деревья – к слову, многие мне незнакомы, – но и огород за низеньким штакетником. Нет, там не зрела репа, не кудрявилась ботвой морковь, а росло нечто специфическое и притягательно пахнущее. Не выдержав, свернула с дорожки и пристально осмотрела одну из грядок. Ее, словно звездами, обсыпало голубенькими мелкими цветочками. Сорвала парочку и украсила косы.

– Эй, что вы делаете?

А вот и садовник. Не понравилось, что землю топчу, растения порчу.

Обернулась, глянула на спешившего через кусты шиповника недовольного субъекта и извинилась. Я действительно не хотела, только из любопытства.

Батюшки-светы, цветы ядовитые?!

Судорожно вытащила бутоны из волос и выбросила.

– А руки мыть нужно? Язв не будет?

Надеюсь, потешаться не станут, а скажут правду.

Садовник обнадежил: если не жевать, ничего дурного не случится. Из детского возраста я вышла, в рот ничего не тянула, значит, лютая смерть мне не грозила.

Пунцовая от смущения, вернулась на дорожку и потопала дальше, стараясь смотреть под ноги, а не по сторонам.

Однако хорошо живут студенты! Никаких мазанок, как в городе, дома добротные, каменные, под карнизами множество затей, в окнах даже не слюда – стекло! В деревнях о подобном не слышали. Там до сих пор некоторые бычьи пузыри на рамы натягивали. Стекла красиво отсвечивали фиалковым цветом. Окна высокие, на наличниках – орнаменты, водостоки с драконьими головами. Крыши плоские, загорать удобно. Словом, сказка, а не академия. Королевский дворец! И вынесут меня отсюда вперед ногами, потому как руками я отчаянно упираться буду.

Пригорюнившись, понуро глянула на стайку парней и девчонок, так же, как и я, мечтавших стать магами и ведьмами. Им, наверное, учителей нанимали, и говор чистый. А я? Умных слов не знаю, пансионы не заканчивала, пусть и не невежда. Мама озаботилась, чтобы дочка ходила в приходскую школу, а Хендрик, когда ухаживал, умные вещи рассказывал. Потом уж я сама по его книгам пыталась, только

ум короток оказался.

За думами о несовершенстве содержимого собственной головы добрела до выложенного деревянными плашками двора. Подняла голову и, парализованная, замерла. Вот она, заветная дверь, распахнута настежь, а я боюсь, что выгонят с позором. Хватит ли того, чему меня учили, чтобы не остаться за порогом?

Тряхнула головой. Хватит! Не глупее рыжей девчонки, которая меня обогнала.

Приемная комиссия – вывеска красовалась на видном месте, не перепутаешь – занимала огромное трехэтажное здание. В отличие от виденных ранее, его сложили из необработанного камня, видимо, чтобы придать величия. Удалось. В окнах нижнего этажа без труда уместился бы человек. Подоконники будто созданы для посиделок с книгами. Рядом с входной дверью разбит цветник с пожухлыми ромашками. Несчастные цветы оборвали гадавшие на удачу поступающие.

Здание окружал низенький кустарник. Подозреваю, неспроста: чтобы неудобно было в окна лазить.

Словом, основательно, внушает доверие.

Провела рукой по волосам и перешагнула заветный порог. Внутри царил приятная прохлада.

Из небольшого коридорчика попала в огромные сени, которые дворяне называли холлом. Желających поступить в академию мурыжили здесь в окружении сумрачного вида

волшебников и волшебниц, поглядывавших со стен. Пристроившись в конце очереди, внимательно осмотрела каждый портрет. Все одинаково надменные, насупленные, с амулетами на шеях. Может, конечно, это обычные украшения, но не верилось, будто у магов такого уровня есть что-то «просто». Хендрик, к примеру, носил только полезные вещи, да и сама слышала о драгоценностях-артефактах, накопителях и прочих жутко полезных штучках.

Потом заметила живого мага. Он вышел из боковых дверей и начал запускать в соседнюю комнату по несколько человек на растерзание приемной комиссии. На мальчиков и девочек не делил – опять наврал Хендрик! Теперь убедилась, муж намеренно сгущал краски.

Спустя некоторое время соискатели бочком протискивались обратно в холл. Кто с улыбкой до ушей, кто зареванный.

Дошла очередь до меня.

Экзаменовали в зале, таком большом, что народные гулянья устраивать можно. Смотрелся он сиротливо, как и любое подобное помещение без мебели. За столом в ближней половине зала сидели пятеро магов: трое мужчин и две женщины. Еще один человек стоял у окна, спиной ко мне, лениво любясь пейзажем.

Пару минут я смотрела на чародеев, они – на меня. Очевидно, полагали, стушуюсь, замру у порога. Да нет, сразу подошла к столу, поздоровалась. Документы пока не протягивала: не просили.

Ведьмы, конечно, настоящие ведьмы! Как домовитые супруги, у таких не забалуешь. Одна и вовсе по-мужски одета. Красивые ли? Та, что помоложе, да, только за собой не следила. Взять хотя бы небрежный хвост! На ее месте, я бы волосы распустила. Они у нее густые, темные. Вторая ведьма обыкновенная, но с подведенными глазами, в строгом сером платье с черной розой на груди. Немолодая, умудренная опытом. Пожалуй, я хотела бы стать такой же.

Маги понравились меньше, особенно пожилой, в засаленном плаще. У него наверняка проблемы со здоровьем, раз даже погожим летним днем кутается. Ревматизм? Разве чародеи не умеют себя лечить?

Второй чародей пухленький, кругленький, лоснящийся, как поросенок. Представить его бегаящим за вампирами при всем желании не могла, хотя отсутствием воображения не страдала. Зато глаза пронзительные, буравили взглядом. Ну, смотри, мне-то что.

Третий – молодой дерганый мужчина – все время вертел в пальцах гусиное перо. Нервишки нужно лечить, могу рецепт подсказать: как все деревенские, знала секреты кладовых природы.

Интересно, какое мнение сложилось обо мне у приемной комиссии? По лицам не скажешь – непроницаемые.

Улыбнулась и присела на одинокий стул. Предлагать не предлагали, но для чего тогда он поставлен? Сижу, глазки строю и жду.

— Добрый день, — наконец подал голос пожилой маг. — Добро пожаловать в стены академии! Как прикажете вас называть, юная госпожа?

Хихикнула. До того не вязалось со мной важное обращение. Извинившись, назвалась.

— И чего же вы желаете, госпожа Агния Выжга?

— Поступить в академию и стать ведьмой, — гордо ответила я.

— Ведьмой? — вскинув брови, удивленно переспросила магичка с хвостом.

Начинается! Новая лекция на тему «Не суй рыло в калашный ряд». А вот дудки, суну! Сбежала от мужа, тряслась на подводе — и ради того, чтобы поцеловать дверь? Как домой потом возвращаться? Хендрик всю жизнь потешаться будет. Да и мечта... Не откажусь я от нее, хотя бы попробую, чтобы потом локти не кусать.

Улыбнулась и постаралась убедить в серьезности намерений:

— Я замужем за магом, поэтому о волшебстве знаю не понаслышке.

— Так вы еще и замужем? — скривилась «хвостатая» шатенка.

Что она имеет против замужних, саму судьба обделила? Так и есть, завидует: ухмыляется змеей. Предъяви ей Хендрика — ядом бы захлебнулась.

Глянула с чувством превосходства и показала кольцо. За-

одно достала документы.

– Супруг дал согласие на учебу?

Спрашивает так, будто мне двенадцать лет, а муж – это отец. Да какого лешего он что-то мне, взрослому человеку, запретить может?

– Я совершеннолетняя. Вот, – широким жестом положила метрику на стол.

Ее изучали пристально, даже посмотрели на свет, чтобы проверить, не фальшивая ли, потом потребовали свидетельство о браке.

– Оно для поступления в академию не требуется, – фыркнула я. Успела почитать правила, пока в холле-сенях маялась. На специальной доске висело объявление со списком документов – никаких свидетельств. – Имя мужа могу называть, только зачем?

– Затем, Агния, чтобы ты не тратила чужое время на свои бредовые идеи.

Хендрик?!

Икнула и обернулась к окну.

Вот ведь бесы, не узнала со спины! Мой благоверный... Не выследил, так сам в академию приехал.

– Агния, вставай, поехали домой. – Зеленые глаза супруга остановились на моем лице. Голос добрый, даже ласковый, но только на людях. За воротами он мне такую взбучку устроит! Жаль, не доставлю ему удовольствия.

– Не-а, – отрицательно мотнула головой.

– Простите ее, – осознав, что мое упрямство никуда не делось, Хендрик обратился к членам комиссии, – не уследил. Агния беременна, а у женщин в положении случаются помутнения рассудка.

– Я не сумасшедшая и не беременная!

От возмущения аж подскочила со стула. Метнула на супруга взгляд, полный ярости. Значит, так он меня любит? Тиран бессердечный! Не желаю оставаться душой только потому, что он так решил.

Сбросила руку Хендрика с талии и села обратно. Перехватила руку мужа, пытавшуюся забрать метрику, и виновато улыбнулась приемной комиссии.

– Простите, господа маги. Муж не одобряет женское образование, полагает, бабы тупы, способны только рожать детей и готовить обеды.

Молчание – это хорошо. Чародеи задумались, покосились на Хендрика. Он стоял рядом, опершись руками о спинку стула. Полагал, будто устрою истерику и меня выставят прочь. Ничего, сожму зубы и сдержусь.

– Но ваше положение... Госпожа Агния, при всем уважении, здоровье дитя важнее. Магия – опасная вещь, она способна навредить... На каком вы месяце?

– Ни на каком.

Тут знала четко, как и то, что Хендрик теперь специально постарается, устроит «радостное событие» сразу по приезде домой.

Муж, не моргнув глазом, соврал:

– На втором. Агния стесняется.

Показать бы ему кулак, но нельзя, приходится изображать воспитанную пансионерку.

Хендрик попрощался и обещал перед отъездом зайти к нервному мужчине из комиссии. Ясно, они знакомы, шансов мне заведомо не оставили. Только вот забыл муженек о моем характере, не собираюсь сдаваться.

Либо сейчас, либо никогда! Иначе маг с ревматизмом позвонит в колокольчик и попросит следующего.

Члены комиссии углубились в бумаги и, казалось, потеряли ко мне всякий интерес.

– Можно он выйдет? – покосилась на супруга. – Вы выслушаете правду и сами решите, достойна я академии или нет. Остальных ведь судят по способностям, а не по мнению родственников об их уме.

Бой почти проигран, но всегда остается малюсенький шанс.

Я ухватила удачу за хвост: Хендрика вежливо попросили подождать в холле.

Не удержалась, показала мужу за спиной кукиш. Не оценил, милый, ты упрямства и настойчивости женщины, она при желании горы свернет.

А подавальщицу тебе припомню. И отомщу.

Стараясь стать обворожительным совершенством, обернулась к шушукавшейся комиссии и спокойно объяснила,

почему так жажду учиться, а Хендрик – выставить меня беременной. Предложила сходить к лекарю: он подтвердит, никакого ребенка не существует.

Кажется, члены комиссии поверили и предложили парочку заданий. Первое оказалось простым: написать текст под диктовку. Может, не без ошибок, но справилась. Счет тоже одолела. Рынок подобным премудростям учит, не то обманут на каждом шагу. А вот дальше... Дара у меня не оказалось. Даже малюсенького. Обидно? Конечно, обидно, но расстроилась не поэтому. Оказывается, те мальчишки и девочки за дверью столько всего знают! А я мекаю, как ребенок. Деревенщина деревенщиной. Если в семь лет нестрашно, в восемнадцать – непростительно.

– Вам нужно было в детстве поступать, – пошутила старшая ведьма, которая в платье, – а сейчас поздно. Элементарнейших вещей не знаете – какая из вас студентка? Господин Выжга, между прочим, сначала школу при академии заканчивал и только потом в саму академию поступил.

– Хочу учиться! – стиснув зубы, повторила я.

Вот не встану, не сдвинусь с места. Пусть магией выпроваживают.

Злые слезы потекли по щекам. Не хотела, они сами. Сидела и хлюпала носом, как девчонка. Меня утешали, пытались убедить, в жизни много гораздо более важных вещей. Ну да: муж, семья, кастрюли.

Хмыкнула: а ведь все от нежелания быть как все. Раскра-

савица-расчудесница, мужа такого отхватила – и что в итоге? Быт проклятый и тоска зеленая. А во мне свербело, тянуло куда-то, на мир посмотреть.

– Ладно, – неожиданно смиростивился старичок, тронули его мои слезы, – ведьмы из вас не выйдет, а вот учиться в академии сможете. Тут есть один факультет...

– Да какой факультет – не потянет! – хмыкнула магичка с хвостом.

Так, меня уже невзлюбили. Знать бы, по какой причине? Но в одном мегера помогла: плакать я перестала. Утерла глаза, зыркнула на нее и скривила губы. Значит, дура, значит, ничего путного не выйдет? Да я первой студенткой стану!

– Ну, еще есть время... – мягко настаивал пожилой маг. – Пусть побеседует с преподавателями, и если они сочтут... Только там, госпожа Выжга, на магов не учат.

Плевать, лишь бы в Вышграде остаться! Ничего, как-нибудь восполню пробелы в знаниях, если, конечно, декана обаяю. А я обаяю – этих же сумела. Словом, согласилась учиться на общеобразовательном, а потом, где бесы с демонами не разгулялись, по второму разу в ведьмы попробую. Мне намекнули, на третьем курсе можно на первый курс ведьминского факультета перевестись, на ведунью.

Нервный маг выписал направление, велел передать магистру Тревеусу. Он, по словам магистра Айва – так звали пожилого мага, еще раз на меня взглянет и решит, стану сту-

денткой или нет.

К слову, злобную магичку с хвостом магистр Айв назвал Осунтой. Запомню.

Поблагодарив за заботу и внимание, вышла в холл и разочаровала Хендрика, предвкушавшего торжество своего разума. Нет, милый, рано радуешься, тебе еще комнату мне снимать, житье в столице оплачивать.

Гордая маленькой победой, молчала, игнорируя взгляды благоверного. Я тебе потом все скажу, а пока к декану бегаю. Как там мне сказали? Выйти, повернуть направо, завернуть за угол и войти в серый корпус, увитый плющом. Плющ – это так по-ведьмински!

Хендрик не понял, отчего меня понесло не к воротам, напомнил, выход в другой стороне. Хихикнула в ответ и попросила обождать «вот у того дерева».

– Агния, – нахмурился муж, – что ты задумала?

– Рога тебе наставлять!

Честно, оно само! Хотя не так уж погрешила против истины. Декану придется усиленно улыбаться.

Кто бы сомневался, Хендрик шутки не понял, наорал, обещал запереть.

– Только попробуй!

Ведь действительно хрен запрешь, я тебе такую парную устрою! Амулеты амулетами, а против женщины со скалкой и сковородкой не устоят. Чугун – страшная сила.

Муж пробурчал в ответ про самодурку. Приму за компли-

мент.

Понятие «рядом» и «за углом» у магов оказалось своеобразное: пришлось изрядно поплутать, чтобы отыскать нужный корпус. Решительно хлопнув дверью перед носом мужа, вошла и, топая по пустым коридорам, отправилась на поиски магистра Тревеуса. Даже спросить не у кого! Ау, все умерли? Ну да, учебный год-то не начался, откуда тут кому-то взяться. Ладно, хоть где студенты учатся, погляжу. Тоже не удалось – все заперто. Издеваются они, что ли? Пошутили над деревенщиной? Так я вернусь и выскажусь по существу, громко и ясно.

Ан нет, жизнь в корпусе присутствовала: на меня сонно посматривал карлик. Гном? Тогда борода где, гномов без бороды не бывает. А тут рыжие космы, такие же брови, усы, а вместо бороды щетина. На кузнеца с бодуна похож, только ростом не вышел.

– Вам кого? – поинтересовался недогном.

– Декана.

– Кабинет двумя этажами выше.

Эх, удружили! Лестничные пролеты тут нехилые, но знания требуют жертв. Взмокшая, доползла до нужной двери, благо ее удосужились подписать. Ожидала увидеть медную табличку – академия же, в итоге обнаружила обычную железку с наспех нанесенными буквами. То ли деканы часто меняются, то ли студенты не в меру активные, но на красоту тратиться не стали.

Меня не ждали. Декан не сидел за столом, не перебирал бумаги, а... поливал цветы. Он живо обернулся на звук скрипнувших половиц, торопливо, даже смущенно, убрал лейку и деловито поинтересовался целью визита. Она его не впечатлила. Надеюсь, хотя бы я понравилась.

– Девушка, мест нет.

Как в гостинице!

– А если поискать?

Перекинула косы на плечи и расплела. Волосы у меня шикарные, глаз не отвести.

– Соблазняете? – хмыкнул магистр Тревеус и оценил «товар».

– Да, – с придыханием ответила я и развязала пояс.

Поиграем? Все равно ничего не получите, зато интересно, как далеко зайдете. Я-то не стеснительная.

Декан опешил: не ожидал такого поворота событий. Затем опомнился и с ухмылкой лениво бросил:

– Ну, раздевайтесь, девушка, проэкзаменую. Вещи можете на стул сложить.

Дудки, не извинюсь, за дверь не выйду. Стану студенткой – и точка.

Декан ничего так, нестарый, светловолосый, представительный, на вид – лет сорок – пятьдесят, только вот совершенно непривлекательный для конкретной особы. Посмотрите немного, на плечико там, не ниже, подпись под бумагой о зачислении поставите и ославитесь на всю академию. Во

всех красках распишу, чем со студентками занимаетесь.

Коварно улыбаясь, начала расшнуровывать платье.

– Девушка, вы серьезно?

Декан заволновался, провел ладонью по лбу.

Так быстро? Положим, я девушка красивая, возбудиться недолго, но не от вида же краешка нижней рубашки!

Пожала плечами.

– Вы сами просили. Раз место можно получить только так... – тяжело вздохнула и продолжила: – Пострадаю ради науки.

– Откуда ж вы такая взялись? – вздохнул бедный мужчина.

Замучила настойчивая бесстыдница!

– Приехала, – зашнуровала то, что развязала, и подошла к столу. – Мечтаю учиться в академии. Седовласый маг из комиссии сказал, меня на общеобразовательный факультет возьмут.

Замерла, отставив ногу так, чтобы показать линию бедра. На войне все средства хороши, простит декан как-нибудь испарину. Я бы тоже с удовольствием прекратила спектакль, но нельзя. Принципами не размениваются.

– Я бы рад, но... – Мужчина сокрушенно развел руками. Хорошо, мы пойдем другим путем.

Разрыдалась, сетуя на злую судьбу и людей, не желающих сжалиться над бедной девушкой, у которой всего одна мечта в жизни осталась, остальные порушил злобный муж.

– Вот пойду и утоплюсь, – хлюпая носом, твердила я. – Или из окна выброшусь. Где тут у вас окно?

В подтверждение угрозы решительно направилась к искомому предмету, сняла с подоконника герань... и стала студенткой академии. Магистр Тревеус сдался под напором женской игры, даже комнату в студенческом доме со столованием дал. Красота! Хендрик изрядно сэкономит, останется только на жизнь деньги присылать.

Расчувствовавшись, облобызала декана в обе щеки и поспешила к мужу.

Магистр Тревеус вздохнул с облегчением, жаль, ненадолго. Ему еще со мной не раз сталкиваться. По учебе, разумеется. Шило в одном месте у меня с рождения.

Хендрик метал громы и молнии, обещал, об академии могу забыть, но не верилось, будто ректор или декан его послушают. Заверила, что ничего со мной не случится, и потащила мужа в ближайшую таверну: жутко хотелось есть. На сытый желудок и проблемы решать легче.

Ничего, Хендрика я уломаю, сделаю по-своему. В кой-то веки! Пусть ставит условия, пусть бесится – выучусь, а не останусь серой деревенщиной. Заодно друг без друга отдохнем, браку только на пользу.

Глава 2

Хорошие друзья, книги и спящая совесть

Меня отпустили на все четыре стороны. Спасибо, ускорения не придали. Виновник сего безобразного поведения заявил: никуда не денусь, прибегу через неделю, поджав хвост. Я дала слово, что раньше зимы не дожидается. Хендрик хмыкнул и самоуверенно заявил: «Ну, мы еще посмотрим!» Рассмееялась и покачала головой.

– Горшки заждались. Ты же не бросишь мужа голодным? Зашел с двух сторон: и позлить, и разжалобить. Нет, милый, не куплюсь, наигралась в поддавки. Какой реакции ты от меня ждешь? Истеричка обыкновенная, одна штука? Заботливая жена, мечтающая лечь в гроб с тряпкой и сковородой? Уже предвкушаешь, ответы заготовил... Увы и ах, бывают в жизни огорченья.

Вздохнула:

– Не знала, что ты такой беспомощный. Как же ты учился, если не умеешь обращаться с посудой? Или мама кухню не показывала?

Упивалась реакцией мужа.

Как же трудно сохранять трагическое выражение на лице! Стою, глубокомысленно рою носком туфли землю, а мысленно

но хохочу до упаду. Вот тебе за дуру, вот тебе за курицу!

Хендрик обиделся, буркнул что-то неразборчивое и шагнул к лошади. Потом обернулся и от души протянул:

– Стерва!

Я женщина не гордая, любой комплимент приму.

Послала мужу воздушный поцелуй.

– Я тоже люблю тебя, милый.

Хендрик обещал присылать деньги в обмен на хорошие отметки. Чувствовала себя девчонкой, но деваться некуда. По мнению мужа, через пару месяцев опухну с голода: благоверный сомневался, будто смогу получить стипендию и осилить хоть один предмет. Хендрик злорадно добавил: «А меня рядом не будет, чтобы помочь, накормить, задачку решить. Ничего, зато целители объект для экспериментов получают».

Э, каких это еще экспериментов?

Воображение живо нарисовало разные бутылочки и лица ржущих студиязусов, которые с нетерпением ждут, позеленею или покраснею. Обойдетесь!

Потом поняла: Хендрик пугает, вернуть хочет и заодно чтобы сказала, как он мне нужен.

– Я тебя очень-очень буду осенью ждать. В любой день, милый. Без еды, просто.

Не удержавшись, хлюпнула носом. В первый раз остаюсь одна в незнакомом месте с незнакомыми людьми, а Хендрик далеко. Как же я без него?

Отвернулась, чтобы муж не видел, а то решит, что побе-

дил. Не уеду, не уеду, и все тут!

– Ну, чего ты?

Хендрик тоже неожиданно расклеился, обнял за плечи. Прижалась к нему, обвила руками, запоминая запах. Потерлась носом о рукав, вздохнула и выдавила из себя:

– Ты там дом не спали, не ешь что попало, с вертихвостками не путайся.

Хендрик хмыкнул:

– Значит, уже скучаешь.

– Скучаю, – не стала скрывать.

Люблю его, заразу, привыкла.

Отыскала губы и, привстав на мысочки, чмокнула. Муж ответил, и пару минут мы занимались исключительно собой. Мнилось, вернулся первый год знакомства, когда Хендрик был еще таким нежным, ласковым. Увы, с тех пор много воды ушло, муж больше думал о желудке, а не о поцелуях, в спальне и то быстро, и на боковую.

– Поняла, что не права, но не признаешься. – Хендрик отстранился и глянул с улыбкой победителя. – Давай, упрямыца, забирай вещи.

Вывернулась из объятий и щелкнула мужа по носу. Постыдная слабость прошла, я жизнерадостно пожелала благоверному доброго пути, заверила: очень люблю. Тот нахмурился, промолчал и забрался в седло.

Проводила глазами удаляющийся силуэт.

Так, долой сантименты! Опять глаза на мокром месте.

Вспомнила об академии, о кошельке с деньгами и решила развлечься. Если на вас напала хандра, лучший способ борьбы – пройтись по ярмарке. Последней не наблюдалось, зато имелись рынок и лавки. Прекрасно, порадуя себя, заодно к учебе всего накуплю, город посмотрю. Мне тут жить, не хотелось бы плутать в трех соснах.

Постоялый двор, на котором Хендрик снял для нас комнату, находился в нижней части города. Выйдя за ворота, разглядела знакомый ориентир – башенки. Значит, академия в той стороне, а я в другую хочу, взглянуть на королевский дворец. Он к востоку от академии, значит, мне направо.

До дворца не дошла, намертво застряв на рынке – не на том, на который наткнулась по приезду в столицу, а на большом, ярком, с отдельными лавочками. Женское сердце дрогнуло, и я отправилась тратить деньги. Первым делом прикупила новые ботинки, а то мои только бедным у храма отдать. Только паперти ныне пусты: священникам самим не на что жить, не то чтобы еще кого-то кормить. Король здорово их прижал, чтобы не смели указывать, как жить. Без магов не обошлось: те жаловались на притеснения. Религия и колдовство – вещи несовместимые. Во всяком случае, с точки зрения Первосвященника. Он покрывался пылью, когда слышал об академии, ратовал за ее ликвидацию.

Случилось настоящее кровавое противостояние! Поговаривали, будто Первосвященник призывал на площадях к изгнанию магов, собрал армию из монахов, клириков и прихо-

жан, которая двинулась к королевскому дворцу с гневными требованиями восславить истинную веру. Их усмирили солдаты. Разумеется, его величество избавился от возжелавшего власти Первосвященника. Колдуны состояли на королевской службе и, честно говоря, представляли большую ценность, нежели святые мощи. Они, конечно, полезны, но от врагов не защитят, шпионить не умеют.

К счастью, ужасы прошли мимо нашей семьи. Я и вовсе не застала полгода кошмара, когда пылали костры и лилась кровь. К слову, вампиры разгулялись как раз в то время. Много крови, много смертей – полно пищи. Пове́ылезали из всех щелей, да так и не ушли обратно. Некроманты тоже расправили плечи – для них война тоже работа и практика умений. Вот матушка обоих и повстречала, чтобы в итоге родилась я.

С тех пор все затихло, королевство жило в мире. Верь, в кого хочешь, вари зелья, только с бесами не водись. У короля твердая рука, только ему мы обязаны нынешним благополучием.

Пост Первосвященника упразднили, монастыри разрушили, чтобы не множить недовольных, зато двери церквей открыты.

Отогнав тяжелые мысли, присмотрелась к горожанкам, запоминая, как здесь одеваются. Хотелось выглядеть красивой и привлекательной – женщина же. Еще с сокурсниками знакомиться, нельзя ударить в грязь лицом. От кос, к слову, из-

бавилась – такие только провинциалки носят, а я, подышав столичным воздухом, желала ничем не отличаться от местных и хотя бы в глазах прохожих стать свободной и незамужней. Кольцо не сняла, а вот волосы распустила. Собрала в высокий хвост, как у магички из комиссии. Как ее там? Осунты.

Какое платье хочу, поняла, увидев эльфиек. Настоящих, не на мазне в трактире, а вживую. Идут, такие высокие, стройные, будто лебеди плывут. Уши действительно острые. В каждом – по две серебряные сережки. Волосы, впрочем, не лучше моих, тоже длинные, светлые, прямые. В них, словно бабочки порхают, переливаются заколки. Хочу!

Платья в пол, с небольшим шлейфом сзади. Надо же, волочатся, а не грязные. Магия?

Одежда сидит как перчатка. Поищу такой же глубокий зеленый цвет. Фасон... Хм, а вот куплю откровенный. И пояс. У эльфиек они широкие, носят на бедрах.

Хихикнула. Хендрик убил бы или от ревности сдох. Ничего, первый же порадует, когда такая красавица выйдет встречать. Не ценит своего счастья!

Повертелась перед мутным зеркалом и с чистой совестью потратила мужнины кровные. После приобрела одежду попроще и удобнее, на каждый день.

Заколки, пояс, белье, кое-что по мелочи – монеты лились рекой, а покупки оттягивали руки.

Теперь книги. Раз такая неуч, буду читать и магию по-

тихоньку осваивать. Существуют же пособия для начинающих?

Глухо звякнул колокольчик, когда вошла в полутьму букинистической лавки. Замерев на пороге, с благоговением рассматривала груды книг, у Хендрика меньше. Есть совсем старые, притронуться боязно. В восхищении воззрилась на огромный фолиант на отдельной полке. Золотое тиснение, кожа тончайшей выделки. Точно магическая. В моем представлении самые дорогие книги писались для волшебников.

Мне бы несложное пособие...

– Что угодно госпоже?

Продавец-старичок в круглых очках оторвался от записей и воззрился на простоватую покупательницу, то есть на меня. Ладно, доверимся морю чужих знаний, надеюсь, вынесет к нужным берегам.

– Видите ли, я поступила на первый курс Академии магии, целительства и общеобразовательных наук имени святого Йордана и желала бы обзавестись парой книг.

И понеслось!

Не знала, что выбрать. То ли приобрести «Землеописание», то ли «Историю королевства от зарождения до Ночи огней», а то и вовсе «Правила этикета в вопросах и ответах». Остановилась на правилах хорошего тона – дело нужное. Мне выговор нужно исправлять, манерами обзаводиться. Ладно, взяла. В придачу прихватила «Высший счет» и «Первичную алхимию». Так, еще вон ту книжицу: там всего

о королевстве понемногу. Отложила и направилась к полкам с книгами по магии. Названия все мудреные, не осилю. Полистала парочку – и заумные.

Продавец посоветовал взять «Популярную магию в вопросах и ответах», «Тысячу способов обнаружить и развить дар» и «Камни: раскройте скрытые возможности».

Расплатилась, поблагодарила за помощь и вышла на солнечный свет, любовно прижимая к груди покупки. Открыть «Магию» хотелось прямо сейчас, но я терпеливо отложила знакомство до вечера.

Все, ничего не забыла, теперь можно поесть – и на постоянный двор. Или сначала туда, а потом поесть: устала. В итоге победил желудок. Нашла харчевню неподалеку и перекусила. Насытившись, начала вертеть головой в поисках интересенького. Оно по закону подлости само нашло. На меня уставился громила. Слиться со стеной, столом или стулом не вышло, за предмет интерьера тоже не сошла. Походкой вразвалочку мужчина направился ко мне. Судя по тому, как на него смотрели, следовало пискнуть и умереть. Это ж надо так вляпаться! И Хендрика нет, вопить бесполезно. Овдовеет муженек, на похороны не успеет. Пусть всем говорит: «Я предупреждал, а она не слушала», возражать на небесах не стану, сделаю приятное.

– Одна, красotka? – Верзила облокотился о стол.

Замерла, стараясь не дышать.

Хочу – нет, просто мечтаю – провалиться сквозь землю,

но реальность жестока.

– Что притихла, сладенькая? – Шершавые пальцы потрепали по щеке. – Скрасишь мое одиночество?

– Я не могу, – пискнула не своим голосом.

Вот ведь, с удовольствием бы сейчас тряслась за спиной мужа! Если сравнивать, ворчливый благоверный однозначно милее. Ну ее, академию, зато жива, зато Хендрик защитит.

– Стесняешься? Люблю стеснительных! – Сальная улыбка расплылась от уха до уха.

Верзила легко поднял меня на ноги и развернул к себе. Взгляд похотливо блуждал по телу.

Ой, а он не один тут... Поздравляю, Агния, посмотрела столицу! Только такую прогулку я могла в родном городе совершить, в любом кабачке после полуночи.

Так, что дальше по плану? Скорбная дева молитвенно сложила руки и покорно ждет, что уготовит судьба. Фигушки!

– А я не люблю наглых.

Оттолкнула потенциального насильника и взяла в одну руку вилку, в другую – нож. Прикинула соотношение сил – кладбищенское, но я девчонка не промах. До выхода доберусь, а дальше заору благим матом.

Верзила рассмеялся, полез лапаты и получил вилкой в живот. Понимая, что поток его слов скоро перейдет в синяки на моем теле, поспешила к заветной двери. Ой, не успеваю!

Дружки насильника преградили дорогу, подхватили под

белы ручки и заткнули не в меру громкий рот.

Кляп из грязного носового платка вызывал рвотные позы-вы.

Словно кукла, болтала руками и ногами на потеху подвыпившим наемникам. Теперь знала, в чью теплую постельку угодила: видела оружие и шрамы, чувствовала железную хватку.

Верзила очухался, направился к нам и ударил меня по лицу. Больно-то как! Щека аж занемела. Зубы-то целы? Если уж в гроб положат, то хоть не с перекошенной рожей.

Наемники поволокли к двери, решая, кому развлекаться первому. Так, давайте, мальчишки, выясняйте, кто круче. Глядишь, до дела не дойдет.

Увы, разобрались быстро.

Двое держат, третий – орудуй. Картинка живо встала перед глазами, когда меня распяли для проведения действия, а верзила копошился со штанами.

Расслабься и получай удовольствие. Расслабься и получай удовольствие. Не помогает мантра, а ничем другим утешиться не могу.

Думала о Хендрике. Вот ведь, забери душу бесы, мечтала оказаться рядом с ним, хоть на кухне, хоть за лоханью с грязным бельем. Счастье познается в беде.

И тут оказалось, не перевелись еще Мужчины. Именно с большой буквы. Только никогда бы не подумала, что они выглядят так несолидно, без горы мускулов и косой сажени

в плечах. Так, обыкновенный молодой человек... с эльфийскими корнями?! Сразу стыдно стало. Я такая растрепанная, в сомнительной позе, да еще с кляпом во рту. Дева в беде должна выглядеть красиво.

– Отпустите ее!

От голоса пробежали по телу мурашки. Низкий такой, слегка вибрирующий.

Хендрик, Хендрик, Хендрик. Я верная жена, я одного люблю.

– Вали куда шел!

Наемники бросили меня на землю и собрались намять бока эльфу. Я, конечно, не уверена, что он чистокровный, но уши острые, глаза голубые. Вот волосы подкачали. У настоящих эльфов они светлые и длинные, у моего бракованного – каштановые и стриженные. И лука нет. Ничего, таким он мне тоже нравится, особенно тем, что не сбежал. Эльф не испугался угроз, вытащил из-под плаща кнут. Наемники загоготали. У них мечи, ножи, а тут – кнут. Только хорошо смеется тот, кто смеется последним. Спаситель завертел кнутом над головой и неведомым образом умудрился скрутить двоих. Геройствовать эльф не собирался, позвал стражу, а до ее прихода показал пару фокусов. Мне они знакомы: муж-то – маг, хвастался, зато наемников напугали. Вспышки огня перед носом вреда не причиняют, но на расстоянии удержат. Наемники-то на месте не стояли, выпутались, пустили в ход колюще-режущие предметы. К счастью, они не достигли це-

ли: эльф хорошо уворачивался.

Свои своих в обиду не дают, а эльф достал всю троицу. Раз так, живым не уйдет при всей ловкости. Вон, в «коробочку» зажимают. Нужно действовать, а то оставят эльфа истекать кровью на задворках харчевни. Маг он слабый, из оружия – один кнут, итог очевиден.

Выплюнула мерзкий кляп и завопила во все горло, заодно высказалась про посетителей, которые притворились слепыми. Оказывается, свиные какашки – вещь обидная, а уж вампиры дружки в позе рака и вовсе взбаламутили народ. Он повыскакивал на улицу, вспомнил, что носит штаны.

Эльфа повалили. Плохо: в фарш превратят, кишки узлом завяжут.

Ладно, вот вам, ироды!

В руке оказался камушек. Мишень крупная, не промахнулась.

Второй булыжник тоже попал в яблочко – прямо в лоб верзилы. Жаль, голову не пробил. Я не кровожадная, но порадовалась.

Разумеется, эльфа на время оставили в покое, занялись мной. В глазах читалось: жить тебе осталось недолго.

Страшно? Страшно, конечно, когда на тебя надвигается вооруженная троица. Выход один – бежать. Только вот за спиной стена...

Наемники ухмылялись и не торопились. Знали, никуда не денусь.

Когда уже приготовилась кусаться и царапаться, подоспела помощь, оба остались в живых. Я отделалась легким испугом и синяком во всю щеку, эльф – разбитым носом и парой ушибов. Он слегка прихрамывал на левую ногу.

Наемников повязали и уволокли в неизвестном направлении. Стража разберется.

Чмокнула спасителя в щеку.

– Меня Агния зовут. – Смущенно улыбнулась.

– Очень приятно. – Эльф склонился над моей рукой. Непривычно, у нас не принято, а в Вышграде так многих женщин приветствовали. – Вы не пострадали? – спросил он с легким беспокойством.

Покачала головой и предложила угостить элем за свой счет. Эльф отказался. Но хоть что-то сделать нужно! Сошлись на том, что спаситель проводит меня до постоянного двора, а я перевяжу ему раны.

Шатена звали Лаэртом, и на поверку он вышел плодом любви разных рас, но я решила не разбираться в хитросплетениях крови и именovala эльфом. Лаэрт не возражал: привык. Оказалось, он тоже будет учиться в академии, на мага. Дар у него имелся, и даже начальное магическое образование: какая-то местная специальная школа. Лаэрт не златорский, заморский гость.

Целый час мы занимались жутко интересным делом – обсуждали книги. Лаэрт покатывался со смеху, читая названия, а я дулась. Оказывается, меня обдурили, научиться по

талмудам ничему путному нельзя.

– Агния, дар либо есть, либо его нет. Его не вырастишь, как цветок в горшке.

Понуро кивнула. От расстройства даже губу прикусила. Захотелось доказать, что не дура. Второго Хендрика не переживу. Тем более Лаэрт красивый – вдвойне неудобно. Может, он мне даже нравился. Помню о кольце, Хендрике, но муж далеко, не приголубит толком, а эльф рядом, спас, ручку поцеловал.

Мать бы за такие мысли высекла. Или нет? Кто знает, как она себя в молодости вела? Я уже говорила, происхождение мое темное, а отчима матушка охмурила. Девиц тьма-тьмушная вокруг крутилась – а выбрал ее.

Отобрала у Лаэрта книги и заявила, что обиделась. На мужчин такое действует безотказно – сразу спешат утешить. Эльф не исключение. М-м-м, даже поцеловал. Попыталась ответить – он погрозил пальцем и встал.

Тяжко вздохнула, взглянув на кольцо.

Слаба женская природа, а тут столько волнений, такой красивый мужчина... Что плохого, если пообнимаемся? Я же не спать с ним собралась.

В ответ на робкий вопрос о причине холодности эльф напомнил о муже – значит, кольцо разглядел – и предложил остаться друзьями. После, будто дразня, Лаэрт разлегся на постели: ему так легче, кровь носом не идет. Друзьями – а соблазняет!

Отвернулась и буркнула:

– Зачем тебе со мной дружить? Мужчинам женщина только для одного интересна.

– Мне нет. – Эльф тут же боязливо выпрямился.

Неужели решил, будто наброшусь? Станный какой... Сильный пол в подобной ситуации не стесняется, Лаэрт тоже вроде делал авансы. Я, может, не согласилась бы, но по мужски он поступить обязан. Тут же награду не потребовал.

– Раз такой щепетильный, зачем целовался?

И не только: на улице его ладонь легла... хм, чуть ниже спины.

– Красивая. Не знал ведь, что замужняя. Можно я немного полежу? – Лаэрт покосился на кровать. – А потом уйду. Совсем, – зачем-то уточнил он.

Пожала плечами. Можно, конечно.

Эльф снова разлегся на узкой койке и прикрыл глаза.

Присела рядом, спросила, не нужно ли чего. Нет, спасибо, угощать выпивкой тоже не надо, любой на месте Лаэрта поступил бы так же. Думала иначе, но не стала возражать.

Еще раз пробежала взглядом по лицу с точеными чертами, вздохнула и устроилась у окна с книжкой. Начну с этикета.

* * *

Если бы не Лаэрт, первый учебный день я бы благополуч-

но проспала. Эльфу пришлось меня расталкивать, даже облить водой из чайника. Я отчаянно сопротивлялась пробуждению, лягалась и брыкалась. Наконец, неохотно разлепив глаза, поинтересовалась, какого лешего голубоглазик делает в комнате неодетой девушки.

Лаэрт рухнул на мокрую постель и расхохотался.

Как ни странно, мы успели сдружиться. Эльф возился с деревенщиной, пытался вбить в голову азы науки, взамен я веселила учителя байками. Мы много гуляли, беседовали. Больше не целовались: у Лаэрта принципы. Мое восхищение эльфом тоже утихло, зато поблагодарила небеса за родную душу в академии: не так одиноко придется.

Велела Лаэрту запихать в сумку все необходимое (а то наберу всякой бесполезной фигни), вскочила и, как была в одной ночной рубашке, ломанулась в общую уборную. Обрат-но вернулась причесанная, чистая, поблагодарила эльфа за помощь и выставила за дверь. По словам Лаэрта, на все про все оставалось полчаса.

В итоге не поела толком, дожевывала на ходу, хвостом виляя за эльфом, развившим воистину драконью скорость. Только благодаря ему успели к началу. Догадываюсь, от прически ничего не осталось. И платье наперекосяк. Забилась в самый дальний ряд, чтобы не позориться, а Лаэрт протиснулся вперед: будущих магов вызывали первыми.

Хорошо мужчинам – никакого макияжа, никакой мороки с одеждой! Я, дура, каблучки напялила. Если придется тер-

петь, несколько часов стоять перед главным корпусом, пока ректор толкает занудную речь об ответственности за выбранный путь и заодно вспоминает всех волшебников Златории, до распределения комнат не доживу.

Прислушалась: наверняка потом заставят учить жизнеописания великих магов. Некоторые истории оказались забавными, вроде повести о Златокудрой Пузана. Хихикнула, представив, как она залезает на метлу – в моем представлении ведьма обязана летать. Колдунья пугала врагов несравненной красотой – следствием любви к тортикам. Деревенские фамилии от кличек происходят, а Пузана – явно не славное аристократическое имя. Жестоко, конечно, так с девушкой, но, видно, талия была необъятная. А Златокудрая... Какое же колдунье дали имя, если она предпочла его сменить?

Прославилась Златокудрая Пузана тем, что спасла один из городов Златории от дракона. Заговорила зубы и убила. Женское коварство хуже проклятия. Наплела наверняка, будто сирота, боится такого сильного красивого дракона, но жутко мечтает познакомиться. Животинка-то пасть и открыла. Кто ж примет колобок с косой за колдунью? Я бы тоже не догадалась, как и бедный дракон. Теперь его скелет хранился в академии. Нужно сходить посмотреть.

Остальные маги боролись с нечистью, религией и местными властями обычными методами. Все поголовно умные, великие и неповторимые. Видимо, иных из истории вычерки-

вали, то есть подавляющее большинство. Оно и понятно: какой пример может подать молодежи обычный деревенский колдун? Что у него за жизнь? Так, одна рутина.

Со скуки рассматривала лица, пытаюсь понять, кто откуда. Вот южане: у них характерные выдающиеся подбородки. У других волосы особым образом заплетены – не златорцы. У меня глаз наметанный: натренировалась на ярмарке, чтобы с товаром не обманули. Продает, скажем, купец ткань, якобы сестра ткала. У нас и шерсти такой нет, а сам продавец – златорец златорцем. Вот и попался на вранье, цену сразу сбил.

Наконец студентов начали строить по факультетам. Декан выкрикивал имена, вызывая счастливичиков. Делал все медленно, со вкусом, зачем-то заглядывая каждому в глаза. Цепочка из счастливых и гордых мордашек тянулась к крыльцу, получать студенческие значки. Я не торопилась: на всех хватит.

Внезапно раздался резкий хлопок, и двор академии заволокло едким туманом. Кто-то пронзительно завизжал, и толпа кинулась врассыпную, грозя снести ограду.

Молилась, чтобы не сломались каблуки. Если упаду – конец, затопчут. Глаза слезились, горло резало наждаком.

– Стоять! – разнесся над двором властный голос госпожи Осунты. – Всем оставаться на местах и не малодушничать!

Легко сказать, когда там, где предположительно стоял ректор, снова что-то полыхнуло, прорвавшись оранжевыми сполохами сквозь сгущающийся черный дым. Теперь я по-

нимала, это вовсе не туман.

Барабанные перепонки грозили лопнуть от новых взрывов.

Воспользовавшись тем, что больше никто никуда не бежал, плюхнулась на брусчатку и сняла туфли. У земли дышалось легче, многие последовали моему примеру, растянулись кто на траве, кто на булыжниках. Я тоже легла, со страхом наблюдая за пляской шаровых молний. Они с шипением носились взад-вперед над нашими головами. Сердце ушло в пятки, когда одна такая замерла над лицом.

На миг показалось: вот она, смерть, но огненный шар поплыл дальше и взорвался в парке.

Ко мне подполз Лаэрт, обнял, принялся что-то объяснять, но я не слушала. Меня колотило, ладони вспотели от животного страха.

Ничего, все будет хорошо, тут полно магов... Хотелось бы верить, только надежда держалась на одном честном слове.

Заметила, многие снова закрыли глаза. Я не стала: пропущу, как какой-нибудь огненный шарик угодит в голову. Беззастенчиво прижалась к Лаэрту и попыталась разглядеть что-то в дыму, стараясь не замечать свиста и взрывов. Рядом с эльфом страх постепенно улегся, ему на смену пришло любопытство.

Что же там взрывалось, почему нет пламени, откуда без грозы взялись молнии? И, самое главное, отчего все это совпало с торжественной частью? Создавалось впечатление,

будто кто-то из нерадивых студентов собирался сорвать занятия.

– Магия, – шепнул Лаэрт. – Кто-то пытался убить ректора. Сейчас с преступником воюют преподаватели. Ничего, – успокоил приятель, – скоро все закончится.

В голове не укладывалось! Чтобы в тихом Вышграде кто-то покушался на жизнь мага, да еще в академии. Куда катится мир?! А так и не скажешь.

Наверное, я задала самый глупый вопрос на свете:

– Кому это понадобилось?

Эльф пожал плечами. Он понятия не имел.

Небо неожиданно взорвалось гигантским фейерверком, от которого заложило уши.

Случайно заметила, что часть парка исчезла. То есть вот они, кусты, небо – а немного правее уже нечто серое с зигзагами пламени. Только хотела обратить внимание Лаэрта на конец мира в миниатюре, как все пропало. Снова погожий сентябрьский денек, солнышко греет, только сотня студентов лежит вповалку на плашках двора.

Звонящую тишину нарушил истошный девичий крик: «Мама!» Лаэрт попытался удержать, но я скинула его руку и поднялась на ноги.

Признаться, тоже бы закричала, если бы оказалась в первых рядах. Вытерпела, хотя бы не рвало, как брюнетку с толстой косой. Ну да, кровь, ну много. И так, по мелочи – окна разбиты, дверь с петель сорвало. Ерунда, дело наживное, а

вот человеческие жизни...

Ноги сами шагнули туда, где еще пять (десять, пятнадцать, полчаса?) минут назад раздавали студенческие значки. Одна из немногих, к слову, кто не рыдал, а горел желанием помочь. Попутно вспоминала, что и как надлежит перевязывать. Каблуки мешали, поэтому скинула туфли и отдала следовавшему за мной, словно тень, Лаэрту. Брусчатка и тонкие чулки – не лучшее сочетание, но зато точно не упаду. Осколки стекла обойду, а неудобства стерплю. В конце концов, я эти треклятые туфли недавно снять мечтала.

Казалось, по академии прокатилась война – столько раненых! Пострадали не только преподаватели, но и студенты. На первый взгляд, повреждения у них несерьезные: ссадины, порезы, ожоги. С преподавателями хуже. Столько крови из царапин не выльется. Она пропитала обрывки одежды, усеявшие площадку перед главным корпусом академии. От помоста ничего не осталось, даже полинявшей сиреневой ткани, которой обили возвышение. Некогда на нем стояли ректор и старшие преподаватели, а теперь прямо посередине бывшей трибуны зияла воронка.

Замерла, прижав ладонь ко рту. Там, у парадного входа в академию, бродило нечто. Абсолютно черное, с яркими белыми белками глаз и то ли волосами торчком, то ли ивняком на голове. Все в засохшей крови и лоскутах вместо одежды. Зомби?

Спиной нащупала плечо Лаэрта и немного успокоилась.

Он мужчина, он защитит, тот же огненный шарик пустит. Мелочь, а неприятно.

Закоптелое существо склонилось над чем-то или кем-то на пороге: отсюда не видно.

– Эдвин, – устало протянуло оно, – хоть вы воды принесите!

Только по голосу признала Осунту. Осунту Тшольке, магистра боевой магии, как представил ее Лаэрт. Странно, в академии она считалась сильнейшим специалистом по плетению «кружев смерти» и обучала страшным премудростям убийства мужчин. Поговаривали, даже ректор, тот самый магистр Айв, который сжалился надо мной на экзаменах, уступит ей в поединке. Зато, несомненно, старичок превосходил Осунту в другом – воспитанности и выдержке. И очень любил жизнь. Догадалась, именно он лежал на пороге. К счастью, ректор пережил кошмар, а кровь принадлежала нападавшим, а не вытекла из тел защитников академии. Подойдя ближе, увидела магистра на обуглившемся каменном крыльце. Оно выглядело так, будто на негодохнул дракон. Ничто другое, по моему мнению, не способно превратить камень в воск.

Госпожа Осунта сидела рядом, положив голову магистра Айва на колени, и сосредоточенно водила руками над его лицом. Эдвином, у которого она просила воды, оказался сухопарый шатен с небольшой элегантной бородкой и крохотными аккуратными усиками. Двигался он со странной живот-

ной грацией – струился по воздуху, перетекая из одного места в другое. Как замороженная, наблюдала за шатеном. Понимала, что выгляжу глупо, привлекаю внимание, но ничего не могла поделать. Тут не так, как с Хендриком или Лаэртом, тут я прельстилась не внешностью, которую не рассмотрела толком, мужчина завораживал одним своим присутствием. Наверное, он мастер внушений.

Изрядно потрепанный, с подозрительно негнущейся рукой, предмет грез опустился перед ректором на колени и принялся обтирать его лицо мокрой тряпкой. Тут подоспели другие маги, засустились, окутали крыльцо сиреневатой дымкой – магией, наверное. Пострадали многие, но вроде бы никто не умер.

Взявшая на себя бразды правления Осунта велела студентам построиться по факультетам, выбрать старост и отчитаться, нет ли раненых и погибших. Ее взгляд упал на нас с Лаэртом. Вернее, только на меня: не эльф же вылупил на крыльцо и магов, как девочка на ярмарочного фокусника.

– Вам персональное приглашение нужно?

– Я помочь хотела.

Вот так, ушат холодной воды... Ладно, отряхнусь и пойду дальше.

Брови Осуны поползли вверх. Ну да, деревенщина – и помощница? Однако здравый смысл победил, и она поманила к себе, велев надеть туфли. А я и забыла о них.

– Значит, так, барышня, отправляйтесь в лазарет, берите

бинты и несите сюда. Магистр Лазавей, проводите ее. Заодно руку лекарю покажите.

– Само заживет, не в первый раз! – отмахнулся шатен и скользнул по мне взглядом, чтобы спросить: – В медицине что-нибудь понимаете?

Гордо ответила:

– Я из деревни.

– На какой же факультет она поступила? – Магистр обернулся к Осунте. – Только не говорите, что мне придется обучать сию юную особу!

– Придется, если до следующего года продержится, – хмыкнула покрытая копотью магичка. – Учится она под началом магистра Тревеуса.

Эдвин Лазавей издал непонятный звук, нечто среднее между смешком и междометием, и обычной человеческой походкой зашагал вдоль пострадавшего корпуса, велел следовать за собой. Лаэрт увязался с нами.

Светлый лазарет встретил тишиной. Ряды коек с одинаково заправленными одеялами, цветы на окнах, баночки и ступки в шкафчиках. Лекарь, то есть преподававший медицину маг, отсутствовал. Наверное, занимался ректором. Его помощники тоже сбежали, пришлось самой разыскивать бинты.

Магистр плескался над умывальником, возвращая лицу прежний цвет. Заметила, как морщился он от каждого движения левой рукой. Не выдержала и предложила взглянуть.

– Действительно что-то смыслите или так? – скептически поджал губы преподаватель.

Обиженно насупилась.

Я не так, я травам обучена.

Подошла, осторожно расстегнула пропитавшуюся кровью манжету и закатала рукав. Судорога пробежала по лицу магистра, когда я коснулась припухшего локтя. Там, где сочленились кости, кожа едва заметно побагровела. Перелом. Обломки не торчат – хорошо. Нужно вправить, только страшно и больно. Ничего, магистр – мужчина, потерпит.

Ничего не объясняя, захлопала дверцами шкафов, ища лубок. За этим занятием меня застал прыщавый паренек. Он высокомерно заявил, что нечего мне, неучу, в серьезные дела соваться, и выпроводил из лазарета. Хотела вернуться за бинтами – куда там! Мол, справятся без моего участия.

– Обождите! – окликнул магистр. – Вам значок выдать нужно. Ступайте к магистру Тревеусу и, – в голосе послышалась усмешка, – не ходите больше на высоких каблуках по камням. Собирать кости сейчас некому.

Если помощь не нужна, навязываться не стану. Молча вышла и под руку с Лаэртом отправилась вступать в студенческую жизнь: получать значок и комнату. Мучил вопрос: что же произошло во время торжественной речи? И не меня одну: студенческий улей гудел. Младшие донимали старших, а те тайком ходили на разведку, пытаясь подслушать разговоры магистров. Поговаривали, будто кто-то покушал-

ся на жизнь ректора, выбросил из воздуха клубок закли-
ний, будто один из адептов магии (то есть студент последне-
го курса академии) видел священника в том сером мареве.
Ему не верили, но факт покушения налицо.

Преподаватели хранили гробовое молчание, делая вид,
будто ничего не произошло. Слухи об атаке недругов пресе-
кали, потом и вовсе заявили, виной всему один горе-алхи-
мик. Якобы он неправильно смешивал сущности, в резуль-
тате чего произошло накопление заряженного магией газа.
Что такое газ, объяснил Лаэрт на примере туманов над боло-
тами. Опасная вещь: невидима, без запаха, не почувствуешь.

Бурления постепенно затихли, и академия вернулась к
привычной жизни. Ректор шел на поправку, другие раненые
тоже. Во всяком случае, нам так говорили – в лазарет нико-
го, кроме надутых помощников и помощниц лекаря, не пус-
кали. Не нравилось мне это. Пострадали люди, а никого не
наказали. Ведь алхимик едва не угробил уйму народа! Слу-
чись такое в деревне или нашем городке, судили бы! Если
бы до разбирательств жители не поколотили. А тут ничего,
только слухи и скудные объяснения.

Словом, я задумалась и пришла к выводу: что-то тут нечи-
сто. Может, виноват во всем газ, но не студенты с ним бало-
вались. Впрочем, пусть маги разбираются.

Благополучно получив значок и ключи от комнаты, отпра-
вилась осматривать новые владения. Хихикнув, вспомнила
поведение декана. Он меня не забыл и постарался быстрее

выпроводить, явно не желая оставаться наедине.

Студенческий дом общеобразовательного факультета затерялся на задворках. Все правильно – Академия магии, пусть волшебники ближе к учебным корпусам живут. Ничего, зато из окон красивый вид на парк и ограду. Только пока добредешь по извилистым дорожкам...

Роз-то сколько! Интересно, они для дела или для красоты? Куда ни глянь – у домов одни цветы. И никаких улучшенных колдовством крон деревьев, все естественно. Везде-сущий плющ оплел стены. Его холили и лелеяли, вырос сочным и толстым, лазить удобно.

Зачем вокруг студенческого дома насадили столько роз, поняла назавтра. На общеобразовательном факультете учились в основном девушки. На кого? На учителя и помощника мага. Негусто, но Академия магии, целительства и общеобразовательных наук имени святого Йордана не благотворительное заведение. Для себя выбрала профессию помощника мага. Лишь бы дар найти и развить!

– Давай запишем тебя и вещи перенесем? – предложил Лаэрт.

Эльфю предстояло жить ближе всех к месту учебы, в самом первом и самом длинном жилом корпусе. Выглядел он, к слову, ухоженнее. Будущим магам светильники у входа организовали, а у нас просто дверь. Возвращаешься в темноте, свечку бери.

Кивнула и с опаской потянула за железное кольцо, кото-

рое держала в пасти горгулья. В прихожей, по-нашему сенях, было прохладно. Тут висели зеркало и пара вешалок для плащей, стояли держатель для зонтов и столик для писем. Чуть поодаль имелись два табурета и кадка с вечнозеленым растением. Направо – дверь в столовую и кухню, прямо – лестница, налево – тоже дверь, закрытая. После выяснилось, там чулан и помывочная – утепленная комната для водных процедур.

Лестница оказалась скрипучей: тихо на свидание не сбежишь. Но опять-таки плющ имеется. Нет, конечно, сама я никуда не собиралась, о других заботилась.

Судя по номеру на дощечке, крепившейся к ключам – один от входной двери, другой собственно от комнаты, – не придется карабкаться к небесам. Так и есть, поселили на втором этаже, в самом конце длинного, как кишка, коридора.

Комната оказалась не заперта: там вовсю хозяйничала девушка, раскладывая вещи. Блондинка внушительных достоинств и, надеюсь, доброты, потому как только стервозной соседки мне не хватало. Она обернулась на шум шагов, поздоровалась и продолжила наводить порядок.

На всякий случай проверила, не стоит ли ждать появления еще одной соседки? Нет, кровати всего две.

Обстановка скромная, как на постоялом дворе: ничего лишнего. Помимо постелей, стол, два стула, полки для книг и шкаф для одежды. Под кроватями – по сундучку для личных принадлежностей. Остальное покупайте сами. Спасибо,

кто-то зеркало на дверь повесил.

Соседку звали Светаной. Что-то подсказывало, что проблем с ней не будет. Как и надеялась, блондинка оказалась добродушной хохотушкой. Она сразу мне понравилась. И глаза у нее карие, такие, какие только у честных людей бывают.

Лаэрт предложил перенести мои скудные пожитки и расплатиться за комнату на постоялом дворе. Отказалась: эльф не нанимался за мной ухаживать. Приятель – одно, поклонник – другое. Посидела немного, передохнула, опять же со Светаной поболтала, узнала, что тут да как: первое собрание ввиду обстоятельств пропустила. Проще говоря, прогуляла.

Переезд прошел без проблем. Вещей у меня кот наплакал, без местных покупок и вовсе один узел. Зато у Лаэрта целый сундук. Все погрузили на нанятую им подводку.

Раскидав пожитки по местам, отправилась со Светаной осматривать студенческий дом. Оказалось, она тоже мечтала стать ведьмой, а не деревенской учительницей. Светана завила, у меня все получится, не забыла спросить о муже... Отчего-то позавидовала ей: всего на полгода младше меня, а не замужем. Горожанка, в школе училась. Нет, славная она, посмеяться любит, но с мозгами.

Потом отправились в гости к Лаэрту и всей честной компанией поужинали. Заодно узнала, как здесь кормят. Готовили на общей кухне, потом подогревали в студенческих домах и ставили на раздачу. Есть можно и не в своей столовой,

но тогда кому-то может не хватить. Идешь, берешь поднос, тарелки, приборы, сам наливаешь, накладываешь. Готовят сносно, а не нравится, можно на кухне хозяйничать.

Напитки свои. Кто эль притащит (я о парнях), кто чайник поставит, кто кисель или компот сварит. Бесплатна только вода из бака. Но в первый раз нас угостили компотом за академический счет.

Мораль студентов в академии строго блюли только на бумаге. Совместные прогулки под луной не одобрялись, но и не запрещались, поэтому парк полнился голосами. Мы тоже гуляли, только не по парку: осматривали учебные корпуса. Лаэрт неплохо ориентировался в зеленом лабиринте, объяснял, где что. Потом проговорился: в академии учился его старший брат.

* * *

Занятия доказали правоту крылатой студенческой фразы: неученье – тьма, ученье – свет, а за свет надо платить. В том числе сном. Приходилось сидеть у окошка с книгой, постигая хитросплетения науки. Без Светаны и вовсе пропала бы, отчислили бы за непроходимую тупость. Но я упорная, домой не хочу, поэтому старалась и писала Хендрику, как у меня все замечательно. А что еще оставалось? Не рубить же правду сплеча? Так муж примчится, опозорит и на веки вечные привесит ярлык дурочки. И как прикажете с этим жить?

Вечные насмешки, подколки. Курица – не птица, женщина – не человек. А мне человеком быть хотелось. Не умнее Хендрика, я такой цели не ставила, просто доказать, что тоже чего-то стою.

Как отстающая, вечно бегала за мелом, порошками и наглядными пособиями.

Конфузы... Куда без них. Доводилось мне позориться. Особенно не везло с историей магии и сложным счетом. Если обычную историю худо-бедно знала, то дробь не шла совершенно, а ведь без них, как выразилась госпожа Алька, даже фурункул не вылечишь.

Один позор особенно запомнился. Стояла у грифельной доски, вертела мел в руках и размышляла, можно ли покраснеть сильнее. Судя по поджатым губам преподавателя, можно. Но для этого нужно что-то ляпнуть, и я уже открыла рот, и очень «удачно»: перепутала пол и фамилию почившего мага. То, что квинтэссенцию назвала квисенцией, – мелочи.

Сокурсники тоже хороши! Смеются и подсказывают всякую чушь. Светлана на последней парте – мы везде изображали горизонт с каменными изваяниями «ничего не знаю» и «меня здесь нет» – судорожно листала учебник и жестами пыталась объяснить, как девочку превратить в мальчика. Боюсь, такое даже магистру Эдвину не под силу, не то что моему скудному воображению. Вот магистр Эдвин – он специалист по изменению сущностей.

– Итак, Агния, вы утверждаете, будто Рональд Храбрый

вышел замуж за пекаря, окрасил дракона в зеленый цвет и улетел на нем... Куда, кстати, улетел?

Да хоть к бесу в глотку! А что, он давно умер, может прогуляться без ущерба для здоровья и спасти мои будущие отметки.

– Никуда, – сквозь зубы процедила я. – И замуж он не выходил.

– Чудно! А то я уже представил бородатого рыжего мужика в розовом платье.

Я тоже представила. Очень живо вообразила и схватилась за живот. Добавить меч и латы – картинка загляденье!

Отсмеявшись, обмозговала пантомиму Светаны и обрывки собственных знаний. Очень не хотелось запомниться преподавателю в качестве главного кандидата на вылет на экзамене.

Так, судя по выражению лица магистра Дея, мне собирались озвучить сакраментальную фразу: «То, что не понял на лекции, поймешь в конце семестра». Нет, я пойму сейчас, поэтому мужик в розовом платье превратится в мужика с посохом.

– Он убил последнего дракона в Златории. Применил заклинание... Словом, боевая магия без него много бы потеряла. Изобрел блокиратор силы и преобразователь энергии.

Похоже, от меня такого не ожидали. Умная дурочка – перебор. Хорошо бы сохранить лицо. Для этого нужно перечислить все вехи биографии треклятого Рональда и заодно

объяснить, почему он Храбрый.

– Отлично, Агния, вы делаете успехи, – скупое поаплодировал господин Дей. – Но что же потеряла магия без такого великого волшебника? Назовите принципы безопасного заклинания.

Базис... Чего-то там? Концентрация, соотношение один к трем. А чего один к трем? Будем мыслить логически, раз память подводит. Что может испортить жизнь волшебнику? Поспешность, чрезмерность и неточность. Они вредят в любом деле, думаю, здесь то же. Рискнуть? Хуже уже не сделаю. Куда уж хуже, чем прослыть недалекой блондинкой? Допустим, я и есть блондинка, но не иллюстрация к поговорке: «Волос долог, ум короток».

– Соотношение силы и конечной цели, – выпалила я.

Угадала. Или знала? Знала, наверное. Только почему, раздери вампиры клыки, моя бесова голова выдавала до этого всякую чушь?

Дальше по расписанию лекарское дело, тут я на коне. Потом можно просто слушать – о разных мирах и их сочленении между собой. Интересно! Занятное я быстро запоминаю.

Удовлетворенный ответом, господин Дей принялся мучить другую жертву. Любил он перемежать новый материал закреплением старого. Чувствую, веселые семинары намечаются!

Светана восхищенно шепнула: «Думала, не выкрутишь».

ся!»

Я? Куда деваться-то? Либо за волосы из болота, либо домой к печке.

На лекарском деле скрутило живот. Видимо, что-то съела. Меня милостиво отпустили, разрешив отдохнуть в преподавательской. «Я потом зайду, осмотрю, может, от занятий освобожу», – напутствовал магистр Аластас.

По дороге подслушала интересный разговор. Вышло случайно: шла медленно, не охала, не кряхтела, поэтому собеседники полагали, будто их никто не слышит. Разговаривали трое: магистр Тревеус, недавно выздоровевший магистр Айв и магистр Эдвин Лазавей. Если присутствие первого в стенах родного факультета не вызывало вопросов, то что делали в его кабинете ректор и магистр сущностей в разгар учебного дня – большой вопрос. Общеобразовательный факультет – не место для таких волшебников, студенты к ним в другие корпуса ходят. Нам предстояло бегать к боевикам на лекции магистра Лазавея.

Преподавательская совсем рядом, в двух шагах, но я туда не торопилась: любопытство пересилило слабость.

Обсуждали то самое трагическое происшествие в первый день занятий. Я оказалась права: нам вешали лапшу на уши, но с благими целями: чтобы не пугать.

– Вы полагаете, это все же покушение? – Даже не видя лица магистра Тревеуса, знала, он взволнован.

– Несомненно, – не задумываясь, ответил магистр Эдвин.

Тьфу, магистр Лазавей, Агния! Я студентка, нечего его по имени величать. Хотя Осунту Тшольке и вовсе мысленно звала «хвостатой стервой». К счастью, она пока ничего на общеобразовательном не преподавала, и ломать язык фамилией Тшольке не требовалось.

Прижавшись к косяку – дверь нужно закрывать, если секретничаете, а так – не взыщите! – вся обратилась в слух. Кто владеет информацией, тот владеет миром.

– Священнослужители? – подал голос ректор.

Он был поразительно спокоен для человека, обсуждавшего покушение на самого себя. Надо при случае пожелать ему здоровья: если бы не он, топала бы с узелком восвояси. Лучше, конечно, подарок сделать, но денег нет, все на книги и житье-бытье уходит. Да и не воспримет ли ректор благодарность как взятку?

– Я видел одного, – подтвердил магистр Лазавей. – И не только я. Они контролировали вброс заклинания. Создано оно не ими – хоть что-то хорошее! Остальное, увы, наводит на печальные мысли. Створы перехода открывали ассистенты. Значит, они сделали это сами, с помощью какого-то предмета. Атакующее заклинание тоже странное, не несет индивидуальности.

– Купленное, – резюмировал магистр Тревеус. – Я слышал, в других мирах делают подобные. Вам, Эдвин, о них известно больше нас: вы же владеете искусством перехода.

Осторожно заглянула внутрь и уловила кивок шатена. Как

и плавное движение руки, сотворившее колеблющееся полупрозрачное нечто, напоминавшее грифельную доску. Магистр Лазавей писал по ней пальцами, а буквы стекали водой. Достигнув края доски, они исчезали с легким свечением. Настоящая магия! Хендрик обзавидовался бы!

Письмена сменились картинкой. Какой, не видела: слишком далеко. Маги обсуждали незнакомые места, делали предположения, куда же сбегали их злейшие враги. Больше всего преподавателей беспокоило, не избрали ли они Первосвященника.

– Воистину, беспечность приводит к печальным последствиям! – вздохнул ректор и хлопком в ладоши уничтожил магическую доску. – Мы предоставили событиям развиваться самим по себе, и змея ожила. Священники всегда ненавидели магов: мы якобы противны богу и ведем людей в объятия бесов.

– Перед тем как посыпать голову пеплом, нужно все проверить, – возразил магистр Тревеус. Он нервно расхаживал вокруг стола. – Не пророчьте новую гражданскую войну!

Только братоубийства для полного счастья не хватало! Новых костров, трупов и некромантов с вампирами, удачно дополняющих друг друга.

Поежилась от одной мысли, что налаженный мирок уйдет из-под ног. Как бы он ни был плох или хорош, но менять его на пепелище не хотелось. Преподаватели придерживались того же мнения, гадая, где притаились священники и

каковы их планы.

Подслушать самое интересное не успела – нелегкая принесла в коридор гнома, встреченного в день поступления в академию. Звали его Каиркус Та’и, он заведовал академическим хозяйством. Словом, застукал меня сей субъект перед дверью декана и громко поинтересовался, что я там забыла. Мысленно ругнулась и с улыбкой сослалась на полный крестинизм. Не выучила, мол, расположение комнат.

Декан, разумеется, услышал голоса, распахнул дверь настежь и уставился как на шпионку. Состроила невинные глаза и заверила: плохо мне, умру, если не доползу до диванчика. Разумеется, упомянула лекаря, отправившего в преподавательскую. Похоже, магистр Тревеус пожалел, что зачислил меня в академию. Он тяжело вздохнул и предложил проводить. Согласилась, а в голове крутилось: я должна выяснить все о покушении. Любопытство и тревога до смерти загрызут, спать не дадут.

Глава 3

Случай в библиотеке

В ноябре меня угораздило заболеть. Всему виной дождливая погода. Бегала в тоненьком пальто и подхватила воспаление легких. Оно привело в лазарет. Уговорила разрешить Светане приносить конспекты и книги, жевала яблоки и читала. Когда пошла на поправку, переписывала лекции, зубрила формулы, даты, правила. Времени много, назубок все выучу. И со скуки таки многое запомнила, даже дробь с историей магии пошла. Нет, полюбить я их не полюбила, но хотя бы не плавала на занятиях. А учиться нужно хорошо, если хочь потом куда-то переводиться.

Единственное неудобство – вечно прыщавая рожа Минтора перед глазами. Не желала, чтобы этот мальчишка мной командовал, и закатила грандиозную истерику, когда тот отобрал учебник. В итоге за мной наблюдал сам лекарь, заодно учил разным премудростям, склонял заниматься врачеванием. Но я строго стояла на своем: ведьма, и никто больше.

Однажды не выдержала и спросила, как развить дар.

Магистр Аластас хмыкнул:

– Тебе развивать нечего. Но, – он подсластил пиллюлю, – не все волшебники его имеют. Просто выбери свою специализацию.

– А какую надо? – ухватила за его слова.

– Где заклинания простые. Никакой трансформации или атакующей магии.

Ну и что остается? Вороньи кости в горшках толочь?

Прочитав мои мысли, лекарь пояснил:

– Занимайся теорией магии, бытовой магией, той же лечебной. Может, рунная пойдет. Мой тебе совет: поработай пару лет помощницей мага, опыта наберись, потом сама поймешь, к чему душа лежит, и наоборот. Так, на одном упорстве, ведьмой не станешь.

Понимающе кивнула. Хендрик то же самое твердил, только другими словами. К слову, скоро он приедет. Увидит в лазарете, заберет ведь. Фигушки, зубами вцеплюсь, не уеду!

В итоге, преодолевая ломоту, кашель и жар, читала, зубрила, старалась. До рези в глазах, с мыслью о долгожданном дипломе. Как оказалось, человеческие возможности безграничны. Причем не только мои. Муж нашел-таки время и явился раньше, чем обещал. По словам помощницы лекаря, скоро явится, а я лежу тут бес знает в чем, лохматая, в рубаше, с синяками под глазами от бдений над учебниками. Любая студенточка симпатичнее. Неприятно, когда другие женщины лучше тебя. Ладно, зато я умнее.

Стоило подумать о муже, как он появился на пороге палаты. Сложил руки на груди и смотрел с ухмылкой. Так и знала! Опять начнет поучать.

Кивнула: заходи, не покусая.

– Проснулась?

Пожала плечами: будто незаметно? Не сплю, в здоровой памяти и благостном настроении.

Муж подошел и устроился на стуле подле кровати.

– Учишься?

– Учусь, – подтвердила очевидное.

– Последняя в группе? – хмыкнул Хендрик и двумя пальцами поднял конспект. – Надо же, – удивился он, полистав тетрадь, – записи! Твои?

Обиженно поджала губы.

– Представь себе, я писать умею.

Неужели Хендрик не удосужился изучить меня за эти годы и полагал, будто женился на пустышке? Я ведь до замужества травами интересовалась, в приходском хоре пела, выиграла конкурс чтецов. Так обидно стало. Красивая мордашка и больше ничего?

– Ну как, можно собирать вещи? – бодро поинтересовался Хендрик. – Поучилась, хватит. Вот, заболела без меня, – беззлобно пожурил он.

Хочешь дурочку? Получишь!

– Разве ты со мной не побудешь? Дела, да?

Лицо мужа стало достойной наградой.

– Агния, перестань. Поиграла – и хватит!

Видимо, Хендрик не считал нужным приводить какие-либо аргументы, понуждая к правильному поступку.

– Пожалуйста, не поднимай на меня голос, – сопровождала

просьбу нежной улыбкой.

Муж стушевался и продолжил уже спокойнее: нечего отнимать время почтенных магов, все равно толку не выйдет.

– Как тебе не стыдно, Агния, заняла чье-то место! Кто-то из-за тебя не поступил в академию.

Нет, я на такие штучки не поведусь, даже если добавишь еще патетики и укора. Взбила подушки и поинтересовалась, считает ли супруг меня круглой душой?

– Иногда да, – раздраженно бросил Хендрик.

– Но ты же умный – зачем женился?! Говорят же, что муж и жена – два сапога пара.

В яблочко. Благоверный засопел и признал, некими умственными способностями я обладаю.

Продолжила наступление:

– В академию берут умных, так?

Хендрик кивнул.

– Но ты утверждаешь, я заняла чье-то место. Как же? Если я умная, все по закону.

– Агния, ты все равно не сможешь учиться, – не сдавался муж. – Завалишь экзамены. Они сложные. Допустим, с первым курсом справишься, но дальше ведь хуже. Приходская школа не дает и десятой доли нужных знаний. Пробелы обязательно всплывут.

– Хендрик, – вздохнула я, – может, проблема в тебе? Ты просто не желаешь, чтобы жена могла сама зарабатывать деньги.

Муж стал темнее тучи. Поспешила примирительно поднять руки, снова улыбнулась и заверила, мне никогда работы не видать, а вот помощница Хендрику не помешает. Заодно на учебе будущих детей сэкономим. Да и самому приятно: жена светскую беседу поддержать может, не стыдно друзьям показать.

– Мне и сейчас не стыдно, – возразил супруг. – Только ты упрямая и все делаешь мне назло. Ну признай, учиться тяжело. И без семьи плохо. Я тебя люблю, Агния, если хочешь, позанимаюсь немного, только самой наскучит.

Хендрик поднялся и направился к двери.

– Я иду к декану забирать документы, – пояснил он.

– В суд их заодно занеси, – кусая губы от досады, я стиснула одеяло.

– Зачем в суд? – недоуменно переспросил муж.

– Развожусь я с тобой.

Хендрик застыл с открытым ртом. Бедняга не знал, что ответить. Интересно, сколько он продержится?

Заметив сверток на столике рядом с кроватью, аккуратно потянулась к нему и перетащила на одеяло. Яблоки, записки от Светаны и Лаэрта. Они на занятиях, забегали, пока еще спала. Какие же они хорошие! Как бы я жила в академии без верных друзей? Рыдала бы в подушку, стала позорищем курса. Они ведь со мной занимались, учили тому, о чем выпускники приходской школы и не слышали. Просто так, проявляя недюжинное терпение.

– Хендрик, пожалуйста, передай книгу. В синем переплете такая, по истории магии. Я последнюю главу не дочитала.

Муж бездумно кивнул, направился к полочке в углу, но на полдороге замер, развернулся и, скрестив руки на груди, потребовал:

– Скажи, что пошутила.

– Не-а. Нам обоим будет лучше. Тебе – с новой женой на кухне, мне – тут, с тетрадками.

Хендрик нахмурился. Смотрел нарочито мимо меня, чтобы показать: не больно-то ты мне нужна. Даже интересно стало, что ответит, вдруг скажет: «Дорогая, давно сам хотел предложить развестись». Обидно и горько, зато не потрачу долгие годы на брак с человеком, которому не нужна.

Главное, не показывать, что волнуюсь, иначе вернусь домой и носа в книги мужа не суну: не даст, вопреки всем обещаниям. Безразличие и еще раз безразличие.

– Сдаюсь, – наконец процедил Хендрик. – Уговорила! – И тут же мстительно добавил: – Все равно первую сессию провалишь.

Не надейся, я усердно занималась.

Бегло набросала в голове план действий: неделю лежу, потом беру с места в карьер.

Недосып? Прорвемся! Чтобы не мешать Светане, спущусь вниз, там ночью почитаю. Наберу книг в библиотеке... Библиотека! Воистину, прав Хендрик, ты идиотка! Вот куда нужно устроиться! И знания пополню, и денег заработаю.

Решено: после сессии напрашусь помощницей, а там до какого-то магического факультета недалеко. С чего вдруг? Да потому, что книги все берут, магистры тоже. Все время у них на глазах, умная, начитанная. Словом, легче уломать читателя, чем преподавателя.

Муж приписал мою задумчивость признанию поражения. Не стала разубеждать, с готовностью обняла и поцеловала, пообещав беречь себя. Развод? Пошутила, конечно. Всегда любила и люблю. Хендрик – самый лучший мужчина на свете. Действительно так. Пусть он тиран, отъявленный собственник, но я его обожаю. Если подумать, именно муж подвигнул стать магом, заинтересовал. Мы мило поболтали о Вышграде и нашем городке. Разумеется, о покушении на ректора умолчала, зато выторговала малюсенькую помощь. Хендрик обещал пожить в столице до декабря, даже согласился объяснить кое-что, если уж жена «жаждет опозориться перед магами». Что ж, еще один стимул сдать все на хорошие отметки.

Поблагодарила супруга и надавала заданий. Перво-наперво – теплый плащ с пелериной. Хватит, наболелась!

Словом, завертелась жизнь. И колесо я поверну в свою сторону.

Время будто пошло вспять. Я снова ощущала себя счастливой, любимой мужем.

Легкие поцелуи, нежные слова, шепот, от которого глупо хихикаешь. И жаркая ночь, когда ощущения еще острее

оттого, что кто-то может войти и застать нас. Вряд ли лекарь одобрил бы нарушение режима, но я так соскучилась по Хендрику! И он по мне, кажется, тоже.

Дальше – лучше.

Я выздоровела и перебралась к мужу на постоянный двор. Почти не спала, редко завтракала, зато ночевала не одна. Так сладко! Только, памятуя о вредности Хендрика, приняла кое-какие меры. Ребенок в ближайший год в мои планы точно не входил.

В ответ на супружескую заботу благоверный снисходительно читал лекции и помогал писать рефераты – научные рассказы на заданную тему. Без Хендрика я бы провалилась, а так могла составить план и написать о чем угодно, были бы книги.

Да, как все просто в мечтах и как тяжело на самом деле! Но я не показывала виду, усердно трудилась. Путь вперед не усеян розами, а вот назад всегда бежать легко. Иногда валилась с ног, но все равно продолжала зубрить каждую минуту. Пока ждала мужа, чтобы поест, повторяла родословную королей Златории. Кажется, даже во сне видела лица с литографий.

Несколько часов сна, поцелуй мужа в щечку – и на занятия. Залезала к Светане на «горизонт» и нагло отсыпалась, благо важные лекции начинались ближе к полудню.

Потом муж уехал. Долго и упорно звал домой – отказалась, размахивая промежуточными баллами.

Хендрик просчитался: первую сессию я не завалила, хотя почти все надеялись на обратное. Однако муж, увы, упорно не желал признавать, что мое зачисление в академию не ошибка.

Съездила на каникулы, навестила мать и вернулась обратно в Вышград. Опять со скандалом. Хотя на дворе стоял февраль, уже мечтала о лете. Светлана звала в гости, отдохну немного. Я бы и у Лаэрта побывала, но Хендрик приревнует, особенно если прознает о цветах. Эльф каждую неделю дарил нам со Светаной розы, как только те зацвели в оранжее. Ни разу не попался. Мы врили сокурсницам о таинственном поклоннике из алхимиков. Они люди угрюмые, застенчивые, не опровергнут. Зато мы цену себе набиваем: девушка с воздыхателем – всегда королева, а без него – серая мышь.

Нехорошо себя хвалить, но, по-моему, я преуспела. Заработала положительные отметки по общим предметам в прошлом семестре и усердно готовилась к специальным, которые начались во втором. На правах добровольной помощницы библиотекаря копалась в пыльных фолиантах, желая при случае блеснуть умом и сообразительностью.

Так бежали дни.

Хендрик писал, однако больше не приезжал. Тревожилась, пыталась узнать причину: дела. Могу ли я приехать? Ох, хотела бы, только когда? Муж обещал попробовать выбраться в апреле. В итоге месяц прошел, а Хендрика все нет.

Потом-таки объявился, покаялся. Мы провели вместе две чудные недели. Муж разрешил съездить к Светане, я обещала целый месяц кормить благоверного вкуснейшими пирогами, холить и лелеять.

Задумавшись, замерла на верхней ступеньке стремянки.

За окном давно стемнело. Последние посетители ушли четыре часа назад, библиотекарь сдал ключи и отправился на боковую, только я старательно искала в царстве пыли и паутины ответы на два последних экзаменационных вопроса. Никогда бы не подумала, что служащие академии держат дальние полки в таком беспорядке!

На столе за книжными стеллажами рядом с лампой под зеленым абажуром блестели обложки книг, моя потрепанная тетрадь и стыла чашка чаю.

Мягкие пушистые хлопья тополиного пуха кружились за мелким старинным переплетом стекла. Он слегка отдавал синевой, особенно ясно проступавшей в такие вечера, при свете магических светильников. Помню, раньше последние вызывали трепет, теперь привыкла, научилась пользоваться.

Отрабатывая базовую бытовую магию – один из предметов, который предстояло сдать, – сложила пальцы кольцом и резко чиркнула указательным пальцем по воздуху, активизируя заключенную в воздухе энергию. Увы, иначе не могу: никаких самостоятельных заклинаний, даже робких попыток сотворить искорку.

Студентов-первокурсников общеобразовательного фа-

культета учили чувствовать чужую магию и работать с ней. Хотя «работать» – это громко сказано, банально заучить способы активации бытовых заклинаний академии. На первый взгляд – и готово. На самом деле нужно поймать резонанс. Что за зверь такой? Тут не объяснишь. У меня, к примеру, кончики пальцев чесались.

За бытовую магию не переживала: в норматив укладывалась. Нам давалось пять попыток на каждое заклинание. За три успешных ставили плюс, то есть один балл.

Муж, ворча, приоткрыл маленький секрет, после чего все разом стало проще. В итоге такая бездарь, как я, освоила столь сложную науку на стабильный трояк. Пусть на большее не тянула, зато могла активировать освещение в библиотеке за раз.

Светлячок – шарик, напоминавший звезду, лучи которой не слепили, – зажегся сбоку от стеллажа, явив взору потрепанные корешки. Зевнув в ладонь, начала поиски. Где тут притаился Дитиан Асфазий со своим дурацким житием? Надеюсь, этот вопрос мне не выпадет.

Тишина сгустилась, резко обострив слух. Наверное, поэтому уловила шорох. Вначале грешила на мышь, но потом вспомнила, что библиотека зачарована от грызунов и прочих гадов, которые портят книги. Пауки, видимо, к ним не относились.

Замерев, прислушалась, а потом решительно поставила Дитиана на место.

По правилам после одиннадцати вход студентам в учебные корпуса запрещен, нужно специальное разрешение от преподавателя на проведение опытов. Впрочем, в библиотечном крыле никаких лабораторий нет. Магам не спится, книжка потребовалась? Смешно, право слово!

Что я тут делаю так поздно? Дык помощница библиотекаря. У меня и жетон специальный имеется, чтобы деактивировать защитную магию, на поясе запасные ключи от всех помещений библиотеки. Перед уходом я обязана все осмотреть, запереть и замкнуть контур, по очереди приложив жетон ко всем кругляшкам на дверях. И – финальный штрих – оживить горгулью. Ох, помню, как верещала, когда впервые ее увидела! Библиотекарь хохотал, а мне было не до смеху.

Горгулья охраняла библиотеку по ночам. Тут есть книги по запретным знаниям, негоже, чтобы их кто-то выкрал. С меня взяли расписку, что не сунусь в запретное хранилище. Больно надо! Лаэрт подбивал, просил провести, но нет. Чай попить в моем закутке, в читальном зале поболтать после закрытия – можно, хотя по правилам нельзя, а вот в архив и хранилище даже лучшего друга не пущу. Мне дорого это место, я долго его добивалась, упрашивала.

Медленно, стараясь не шуметь, спустилась со стремянки и вернулась к столу с записями. Потянулась к лампе, но раздумала: нечего привлекать внимание. На всякий случай нащупала жетон и вспомнила комбинацию слов, которую нужно проорать, если все совсем плохо. Очень бы не хотелось.

Вдруг напортачу с активацией особой защитной дряни?

Хорошо, двери библиотеки не скрипят, поэтому тяжелую створку приоткрыла без проблем и высунула любопытный нос в соседний читальный зал. Он огромный, двухуровневый, занимал половину первого и второго этажа. Я устроилась с книгами в малом, преподавательском, рядом с основным фондом.

На первый взгляд все как должно быть. Ровный лунный свет через огромные окна (зашторить бы надо, но лень), одинаковые ряды столов, стульев, ламп с зелеными абажурами. Лестница на второй этаж, возле нее место архивариуса и пункт выдачи книг. В углу – кадки с растениями. Редкий вид, Terra amasiuspoere, цветет раз в аховое количество лет, зато очаровывает девиц и пудрит мозги парням. Цветочек выделял дурман, этакий газ любви. Надеюсь, за время моей учебы массовая эпидемия из-за зеленой бестии не начнется.

Цветок – гордость академии. Над ним все трясутся, даже заклятие поставили, чтобы любопытные студенты на сувениры не оборвали.

Мысленно хихикнула: наверняка Осунта Тшольке для себя доставала. Для улучшения личной жизни. Наша «хвостатая» стерва страшнее любого дракона.

Однако тишина обманчива: в библиотеке чужой. Откуда знаю? Заметила тень, мелькнувшую возле одного из столбов, поддерживавших свод зала. Двигалась она крадучись, явно не с желанием пополнить багаж знаний.

Встав так, чтобы не отбрасывать тени, следила за передвижениями ночного гостя. Тот неплохо ориентировался, но явно сверялся с планом, иначе бы не замирал и не вытаскивал что-то из кармана. Что именно видеть не могла – слишком далеко.

Тень скользнула в арочный проем, в один из служебных коридоров. Выждав немного, последовала за ней, полная решимости пресечь шалости студентов, если это они, либо помешать совершиться преступлению. Звать кого-то из преподавателей – глупо. Спускать горгулью – пока тоже. Разумнее выяснить, куда незнакомец направляется, и застукать с личным.

Сняла туфли и босиком, чуть ли не ползком, пересекла читальный зал. Затаив дыхание, прижалась щекой к арке и, убедившись, что коридор пуст, а все двери заперты, постаралась уловить шаги незваного гостя. Есть! Только направление их мне совсем не нравится.

С туфлями в руках – сойдут за оружие – прокралась по холодному каменному полу к лестнице. На втором этаже – архив, а на третьем – хранилище запретных знаний.

Мы двигались в унисон. Когда останавливался гость, замирала и я, благоразумно держась на расстоянии лестничного пролета, в тени перил и вазонов. Он шагал дальше – двигалась я.

Сердце билось в горле, но я гнала от себя мысли о трусливом бегстве. Чем больше узнаю, тем лучше. Контур активи-

руется одним прикосновением, в любом месте, успею. Так, пока вспомню слова. По-моему, разумнее закричать: «Помогите!» Я ведь всего лишь первокурсница общеобразовательного факультета...

Паника не лучший союзник, и я заменила ее охотничьим азартом.

Подтвердив худшие опасения, незнакомец поднялся на третий этаж. Чиркнул огнем и завожился с дверью. Отмычки. Фи, как примитивно! Зато ты точно не маг, даже не студент.

Ночной посетитель пытался сломать охранную печать! Ругался, вертел в руках предмет, изрыгавший холодное зеленое пламя. Судя по движениям рук, прекрасно знал о сетке контура, которой нельзя касаться.

Кончики пальцев засвербели. Знаю, милые, тут химичат с чарами, пытаются проникнуть в секретное место и выкрасть опасные фолианты. Вон, даже холщовая сумка заготовлена. Явно не для одной книжечки.

Криво усмехнулась, пряча страх, и осторожно попятилась к двери на лестничную площадку. Просочилась сквозь щель и коснулась жетоном древесины. Есть! Защитный контур засверкал, отсекая незнакомца от внешнего мира. Если тот попытается выйти, испытает непередаваемую гамму ощущений. Но я не знаю плана третьего этажа, там может быть другой выход, значит, нужно будить горгулью и позвать магов.

Не заботясь о том, слышат меня или нет, практически ку-

барем скатилась по лестнице на первый этаж. Вспомнила о записях, лампе, шторах, магическом светлячке – пес с ними! Библиотека не сгорит, книги не растворятся в воздухе до утра. Неслась по коридору так, будто за мной гнались демоны, боясь обернуться или сбавить темп. Входная дверь казалась спасительным маяком.

Наплевав на правила, не удосужилась активировать защиту хоть где-нибудь. Если у того типа есть магический предмет, открывающий хитрые замки, без труда справится и с этим заклинанием. Да и как он умудрился пролезть внутрь? Явно не с парадного входа зашел, иначе бы видел свет в преподавательском читальном зале.

В холле сделала пару судорожных вздохов, надела туфли и юркнула за дверь. Жетон взмыл к кругляшку, а голос сбивчиво, фальшивя, напевал мелодию призыва. Руки дрожали. С первого раза по груди твари я не попала, не говоря уже о начертании руны, но собралась и довела дело до конца.

Боялась-то не напрасно: там, наверху, что-то тихонечко завывало. То ли охранные чары, то ли...

Горгулья разомкнула глаза, признала меня и лениво отделилась от стены. Сделала круг над головой и растворилась, пройдя сквозь дверь. Все, теперь никто не сможет войти или выйти без обратного призыва.

Отойдя на пару шагов, глянула на окна библиотеки – по третьему этажу блуждал огонек.

Счастливой охоты, горгулья, и попутного ветра мне!

Припустила по мокрому от росы саду к преподавательским домам. Решила постучаться в первый попавшийся, переложу ответственность на крепкие маговы плечи и попытаюсь заснуть. В любом случае ничего толкового сделать не могу, все расспросы, показания – завтра.

Да, определенно, не оценила я коварности первых летних деньков! Всего пара минут, а уже успела продрогнуть. Теплая кофта осталась висеть на стуле в малом читальном зале. Теперь пожинала последствия: плечи озябли, туфли промокли. Только сейчас сообразила, что бежала напрямик, а не по дорожкам, и теперь измазалась во всех прелестях росистого сада. И так, мелочи, – оцарапала руку.

Толкнула калитку: заперта. Ладно, попробуем жетон. Чтоб голуби обгадили могилы магов, отгородились от всего мира! И изгородь густая такая, колючая. А время-то идет, сбежит преступник!

Жетон не помог. Сама виновата: не сообразила, что никакой магией тут и не пахло, всего лишь крючок. Раз – и он выскользнул из металлической петли, открыв путь к городку двухэтажных домиков. Много лет назад каждый строился по своему вкусу, потомки не стали ничего менять, добавили лишь пару деталей вроде мансарды или новой зверушки на фасаде.

Разумеется, сейчас ничего не разглядывала. Любопытство удовлетворила давно, хоть и издали. Ночью же перепуганной мне все дома казались близнецами-братьями.

Подлетела к ближайшему крыльцу и, испортив клумбу с чем-то пахучим, но явно не цветами, забарабанила дверным молотком по доскам. Ответа не последовало, только колынула пальцы магия. Кто бы сомневался, тут защитный контур. И он меня прощупывал, намекал, чтобы носа не совала.

Отошла, наклонилась и запустила в окно второго этажа комком земли. Ровный такой шарик вышел, не хуже снежка. Подумав, слепила такой же и отправила по прежнему адресу.

В окне вспыхнул тусклый огонек. Кто-то отодвинул занавески и, оставаясь в тени, выглянул наружу.

Крикнула: «На помощь!» – чтобы не приняли за хулигана. Получился короткий громкий писк, типично женский, на одной высокой ноте. Так всех не перебудешь. Я и не смогла, так, вызвала легкий интерес еще в одном доме. Мимолетный, ввиду скромности жертвы, то есть меня, не соблаговолившей завопить нормально во второй раз.

Огонек в окне стал ярче. Холодное свечение магии сменялось теплом живого огня.

Пара минут томительного ожидания, и дверь отворилась, явив фигуру с фонарем «летучая мышь» в руке. Приглядевшись, узнала хозяйку дома: Осунта Тшольке. В длинной ночной рубашке, с копной распущенных волос, перекинутых на грудь, она как никогда походила на ведьму. Зевнув, преподавательница осветила меня фонарем и зажгла свет в прихожей.

Я во все глаза пялилась на магичку: никогда не видела ее

такой. Смешная, немного потерянная, даже на женщину похожа. Не верится, что она в рубашке спит и босиком ходит.

– Ну? – вопрос поражал лаконизмом.

– Проникновение в библиотеку, – сбивчиво проблеяла я. – Он печати на третьем этаже сломать пытался. Я горгулью спустила.

Сон магистра как рукой сняло. Встрепенувшись, она велела ждать там, где стою, и скрылась в недрах дома. Буквально через минуту вернулась при полном параде: рубашка, штаны, сапоги, волосы забраны в хвост. Пальцы разминаются, щелкая искрами магии, а за поясом длинный нож.

– Веди! Хотя, – Осунта задумалась, – пойди разбуди Эдви-на. Магистра Лазавея, – поправились она. – У его дома драконы-водостоки.

Кивнула, побежала разыскивать магистра, а собеседница уже исчезла, переместилась в пространстве, оставив после себя легкий запах озона.

Пожалуй, самое интересное место академии – преподавательский городок. И самое страшное. У меня десять раз сердце замирало от разных штучек. Ладно, если они каменные, а если оживают? Идешь ты без свечи и лампы, одна луна над головой, ищешь драконы-водостоки, а из-за низкой оградки к тебе ожившее растение щупальца тянет? И что ты сделаешь? Правильно, заорешь во все горло. Надо признать, завизжала я удачно. В смысле, у нужного дома. С теми самыми драконами. Перебудила заодно соседей магистра Ла-

завея, дружной толпой высыпавших к окнам.

Смутившись, я попросила магистра спуститься.

– Что-то важное? – Он наполовину высунулся из окна, а я предпочла заняться изучением клумбы.

Все-таки думать надо, в каком виде перед студентками появляешься. Просто в лунном свете, падавшем аккурат в окно, его торс смотрелся особенно эффектно. Нет, никакой груды мышц, но бередил девичью фантазию, как Хендрик в свое время. Муженек без одежды весьма и весьма хорош.

Все-таки активно практикующего мага сразу видно: они не растекаются квашней. Я не о лекарях и алхимиках. Им неважен внешний вид, а вот магистру по изменению сущностей... Поскорей бы, что ли, нам о других мирах рассказывать начали: жутко интересно! Особенно если расстегнуть рубашку. Лучше вообще снять, чтобы студентки смотрели исключительно на преподавателя.

Пока предавалась подобным мыслям, магистр успел одеться и спуститься. Абсолютно бесшумно. Вздрогнула, когда он неожиданно оказался рядом, буквально скользнул по воздуху.

– Магистр Тшольке просила вас позвать. В библиотеке неладно, – коротко сообщила я, старательно отводя глаза.

Проклятое воображение упорно рисовало собеседника наполовину обнаженным. Широкие плечи, точеную грудь, живот, который так и хотелось потрогать. О, как я соскучилась по мужчине! Только магистр – преподаватель, Агния, а

ты замужняя студентка.

Уф, полегчало!

Маг оказался любопытным, потащил за собой, выпрашивая подробности ночного вторжения. Рассказала что могла, по возможности, сообщив больше фактов.

– Вот ведь студенческое рвение! – усмехнулся магистр. – Вместо того чтобы спать, за книжками сидели. Но, признаться, с пользой. Все, можете смело идти к себе.

Видя, что я в раздумье остановилась возле калитки, преподаватель повторил строже:

– Помощь с вашей стороны не потребуется. Чтобы до утра близко к библиотечному крылу не приближались!

Кивнула, хотя любопытство советовало посмотреть издали одним глазком.

Уже отойдя на пару шагов, магистр внезапно обернулся и поинтересовался моим именем. Оказалось, он забыл, кто перевязывал ему руку. Оно и понятно, студентов много, кто я такая, чтобы запомнить.

В который раз упрашивала Лаэрта пустить меня, хотя бы намекнуть, что происходит за закрытыми дверьми, но эльф оставался непреклонен. Упрямство друга бесило. Подумаешь, ему доверили сторожить вход в библиотеку, но ведь я-то его подруга! К тому же помощник библиотекаря. Может, я записи хочу взять, вещи... Да и книги нужно убрать.

– Лаэрт, – вкрадчиво заглянула в глаза другу, – у меня эк-

замен. Если у тебя перенесли, то нам такое счастье не светит. Словом, мне нужны мои записи. Я тихонечко проскользну в малый читальный зал, заберу и вернусь.

Эльф хмыкнул:

– Знаю тебя, не вернешься.

– И что же я сделаю? Испарюсь, взлечу?

Ерничала, но было до жути обидно. Благодаря мне поймали преступника, а теперь не пускают, ничего не говорят. Студентов ведь опять накормят сказками о воре, но я печенкой чувствовала: вранье. Книги по тайной магии не воруют просто так, обычные воры не проникают незамеченными на территорию академии. На ночь над оградой активируют силовой полог, без знания магии не перебраться.

– Лаэрт, я ведь твоя лучшая подруга.

Решила зайти с другой стороны и полезла обниматься. На самом деле – пыталась приложить жетон к двери. Не станет же Лаэрт со мной драться и отпихивать?

Эльф крепко задумался, опешив от столь яркого проявления чувств.

Капризно надула губки и потянулась к заветному замку.

Ну же!

– Ладно, – сдался Лаэрт. Разумеется, он все видел и не поверил в бескорыстные объятия. – Только быстро и не через дверь. Накажут меня из-за тебя! – буркнул друг и отвернулся.

– Спасибо, ты душка! – чмокнула эльфа в щеку и шепну-

ла: – Через окно? Снимешь контур?

– Вот еще! – фыркнул Лаэрт. – Я отвернусь, а ты приложишь жетончик. Попадешься, не взыщи!

Правила игры устроили, и я сделала свое «черное дело» за спиной ни о чем не догадывающегося друга. Тот для пушей убедительности даже наклонился, насвистывая бравурную песенку. Огляделась и деактивировала защитный контур. Горгулью и без меня загнали в каменный плен сна, возиться не нужно. Надеюсь, заклинание не предупредит о визите магов внутри? А то в библиотечном крыле полно магистров. Разбираться не станут, вышвырнут.

Вроде никто дверь не распахнул, с дикой бранью не набросился, в угол не поставил, а Лаэрт заслонил спиной мои нехитрые манипуляции.

Так, теперь игра на публику.

Пожелала другу удачи на часах, нарочито громко, чтобы все слышали, и потрусила якобы к студенческим домам, на самом деле – за угол, к окну. Есть там одно, плющом увито, кустиками да деревьями укрыто. Стоит только сойти с дорожки, понюхать цветочки... Женщины, они ведь любят прекрасное.

Старательно изображала интерес к ботанике. Проходившие мимо студенты и преподаватели внимания не обращали, взволнованно обсуждали ночное проникновение в библиотеку, а то и вовсе читали на ходу. Когда выдался случай, скользнула за ближайший куст и поползла. Запачкаю платье?

Любопытство, оно, как красота, требует жертв. Ничего, трава просохла, пятен не оставит.

Чувствуя себя воришкой, осторожно вынырнула из зеленого укрытия и потянулась к шпингалету. Благодаренье небу, ручка есть и снаружи! Она поддалась, и я медленно, вздрагивая от каждого вздоха, воображая, что за моей спиной уже стоит ректор, отворила окно. Убедившись, что меня не видно, скользнула внутрь. Пыльная штора едва не выдала любопытную студентку. Сдержала чих и закрыла шпингалет. Стекло бликует на солнце, нечего дразнить судьбу.

Ладно, куда меня занесло? Комнатка библиотекарей рядом с большим читальным залом. А маги где? Вот ведь подвезло – собрались в малом. Благо его окна выходят на другую сторону, а то лицезрели бы все мои перемещения.

Похоже, туфли – ненужная вещь в гардеробе. Пришлось снова их снять.

Странно, никого не оставили сторожить дверь, и я благополучно устроилась у косяка. Приложив ухо к замочной скважине, а потом и глаз. Рассмотрела, признаться, немного: стул и чьи-то ноги, а вот слышала...

Мм, в Златории точно беспокойно, я бы даже сказала, документы нужно всегда держать под рукой. Война и так не мать родна, а уж гражданская война и вовсе не сахар. Притаилась, гидра, и щупальца тянет. Что б эти священники собственным ядом отравились! Ненавижу! А ведь учат спасению. Да, я верующая, но не так, как нужно. Есть ведь духи,

лешие, кикиморы, малые и великие боги, старые и молодые, а Первосвященники признавали только одного – Бархуса. Он изначально не златорский, но ведь в стране много богатых переселенцев, они и сделали своего покровителя самым великим.

К слову, святой Йордан в Бархуса не верил: ему и мне милей Марра и Оликес, сотворившие сущее. В Златории им тоже поклоняются, приносят крынки молока волоокой Матери и хлеб грозному Отцу. Священники их признают, но как старых богов, подготовивших мир к явлению Бархуса.

Человека, который проник в библиотеку, послали, чтобы обескровить магов, отнять их реликвии. Дали амулет, способный взломать магические печати. Представляю, как кривились священники, когда прикасались к вещице: они люто ненавидели колдовство. Магия – удел зла, чаровать могут только Бархус или Марра с Оликесом на худой конец. Но уж больно им хотелось взять власть в свои руки, ради этого наступили на горло принципам.

С чего вдруг я такая осведомленная? Дык к самой интересной части допроса подоспела. Вор не говорил, а выплевал слова, перемежая их бранью. Грозил реками крови и страшными пытками до и после смерти. Особенно врезалось в память: «Мы раздавим вас, как крыс, сожжем тех, кто замарал душу чарами. Всех отловим, всем воздадим по заслугам именем Бархуса!» Брр, жуткая перспектива! Я ведь тоже «замарала душу». Муж, и подруга, и друг. Слуги Бархуса – сума-

сшедшие, сам бог нам ничего дурного не сделал, но вот его именем убивали.

Кажется, вор даже плюнул в лицо кому-то из магистров или еще как-то оскорбил делом, раз возмутилось магическое поле библиотеки. Пальцы пронзили иглы – сильное заклинание! Паршивец заливался смехом. Несомненно, безумный: человек в здравом уме в академию не полезет. Собственно, а откуда он? Неужели рассадник зла не истреблен?

Чуть не проворонила момент, когда следовало слиться с пейзажем. Юркнула под ближайший стол, надеясь, что меня не заметят.

Зрелище, представшее глазам, впечатляло. Я бы даже сказала, до рвоты впечатляло. Отделали малого знатно, но, думаю, за дело. Его под конвоем, подталкивая магией, вывели вон.

Выждав немного, решила забрать свои вещи, если они еще целы. Завтрашний экзамен я хочу сдать. Осторожно, на цыпочках, миновала открытое пространство и юркнула в малый читальный зал. Уф, все силы мира явно благоволили мне: и книги, и тетрадь на месте. В качестве моральной компенсации можно нарушить библиотечные правила и забрать талмуды с собой. Позаниматься-то мне не дали. Сгребла все в сумку – она валялась тут же, на полу, – и собиралась покинуть здание прежним путем, когда на плечо легла чья-то рука.

Завизжала уже после того, как ударила нападавшего туф-

лями. Рука сама замахнулась. Каблуки – отличное оружие, особенно острые. Каюсь, в Вышграде пристрастилась к эльфийской моде и носила только такие, зато восхищенные мужские взгляды обеспечены.

И тут случилось нечто странное. Я будто погрузилась в воду и в мягкую вату одновременно. Меня заключили в кон и, приподняв над полом, развернули.

Полагаю, документы на отчисление лучше подать самой, потому как уже через час меня вышвырнут из академии без права восстановления за нападение на магистра. Да-да, за моей спиной оказался Эдвин Лазавей. Его щеку украшала царапина, а рубашка оказалась разодранной на плече. Угу, я попала. Во всех смыслах этого слова.

– Простите, – пробормотала я, не особо надеясь на снисхождение. – Я не хотела.

– Вы умеете постоять за себя. Агния Выжга, если не ошибаюсь?

Кивнула, изображая вселенское раскаянье. Потом выдавила из себя улыбку и невинно захлопала ресницами. Глупо? Знаю, но иногда помогает.

– Что вы тут делаете?

Магистр снял с меня заклинание, вытащил платок и приложил к кровоточащей щеке – вспорола я ее знатно.

– Вещи забираю.

Правда только отчасти, но ведь правда.

– Лаэрт пустил? – понимающе улыбнулся Эдвин Лаза-

вей. – Не устоял перед девушкой.

– Вовсе нет, – друга нужно выгораживать, – я сама. У меня жетон есть.

Магистр скептически хмыкнул, но промолчал. Осмотрел сумку и вывел в большой читальный зал.

Я ожидала публичной порки и, в общем, не ошиблась.

– У вас длинные уши, госпожа Выжга? – поинтересовался преподаватель, с недовольством разглядывая испорченную рубашку.

Интересно, если я ее зашью и залечу следы от каблуков, магистр Лазавей смилостивится? Но вопрос, если честно, он задал странный, пришлось попросить разъяснить.

– Вы подслушивали?

– Кто? Я?! – возмутилась вопиющим наветом. – Ничего я не подслушивала, сумку забирала.

Магистр не поверил. Сверлит взглядом, раздумывает, что же со мной делать. И имя вдруг вспомнил... Впрочем, преподаватели по определению отличаются хорошей памятью. В любом случае добрая вестница не осталась безымянной.

– Лгать тоже нужно уметь, – обронил магистр Лазавей.

Промолчала и надела туфли: не босиком же ходить?

Нечего так смотреть, признания не дождется.

– Так что же? – начинал терять терпение мучитель.

– Ничего. Вы назвали меня лгуньей, только и всего. С вашего позволения я пойду?

– Э, нет! – Магистр Лазавей ухватил меня под руку и по-

ташил вон из читального зала.

Я, разумеется, возражала: не мешок, чтобы волоочь.

– Отведу вас к ректору, пусть разбирается.

– И выставите себя дураком. Ну, пролезла я в библиотеку, ну, забрала записи, в чем преступление? Кого я там подслушала? Привидение? Или, – прищурилась, – тут о государственной тайне шептались? Иначе почему вы так волнуетесь?

Магистр остановился, задумался. Стараясь скрыть волнение, вглядывалась в его лицо. Страшно? Конечно. Это не шутки – влезть туда, куда не звали. Если попаду к ректору, конец! Точно узнают правду. Того человека ведь заставили говорить, значит, есть специалист. Что им какая-то студенточка?

– Забудь! – наконец приказал преподаватель. – Но в следующий раз не нарушай запретов.

Кивнула, предложив отвести его в лазарет. Вдруг заражение крови случится? Каблуки-то грязные.

– Совесть мучает, думаешь, отомщу на втором курсе?

Магистр смотрел хитро-хитро, будто и не преподаватель, потом и вовсе расплылся в понимающей улыбке. Она вызвала странную реакцию – смутившись, отвела глаза и промямлила:

– Зараза быстро проникает через кровь. Мужчины всегда отмахиваются, а потом умирают.

– А если не умру, Выжга? – Кажется, он надо мной изде-

вался.

Агния, соберись! Пусть глядит своими серыми глазищами, пусть очаровывает обаянием, не признаюсь. Ни в чем!

– Все равно шрам останется, а вам он ни к чему.

Хватит уже, магистр!

Тот словно услышал и стал привычным, преподавателем. Крайне озабоченным, уставшим, но все равно чрезвычайно привлекательным, даже с кровью и грязью на лице. А с учетом увиденного ночью...

Вспомнила мужа и взяла себя в руки. Не хватало еще сохнуть по преподавателю! Не такой уж он и симпатичный, а борода и вовсе наверняка колется. Не люблю мужчин с растительностью на лице.

Былое спокойствие вернулось, нашкодившая школьница уступила место испуганной студентке, которую волновало место в академии, а не чьи-то улыбки.

Уговорила-таки магистра Лазавея пойти в лазарет. На пороге преподаватель сделал такие глаза, будто позволил заняться «ранениями» только из жалости к студентке. К счастью, щеку я не вспорола. Раз так, никто за ворота не выставит.

Не обращая внимания на недовольство магистра, который, по его мнению, зря терял время, полезла за спиртом. Лекарь не возражал, чтобы я хозяйничала в лазарете, поэтому не реагировала на ворчание Минтора. Пусть себе бубнит. Тоже мне, помощник лекаря! Даже вату не подал.

Итак, в двух областях я преуспела. Медицина и книги – неплохое сочетание. Еще бы добиться настоящих высот, а не трепыхаться на уровне чуть выше среднего.

Магистр хладнокровно стерпел и жгучесть ватки со спиртом, и мое мельтешение. Однако когда потянулась за мазью, взбунтовался и заявил, ранку обработает сам.

– Конечно, лучше ходить с окровавленным платком, – обиженно буркнула я и поставила бутылочку на место.

– Гордились бы! Так сказать, трофей. Сумели задеть мага. Покачала головой. Какая там гордость – скорее стыд.

Ладно, Эдвин Лазавей простил, но есть и другие. Нетрудно догадаться, как они отреагируют на «метку». Призрак исключения замаячил с новой силой, поэтому приложила все усилия, чтобы переубедить гордеца. В итоге магистр Лазавей сдался и разрешил сделать из него увечного. Смешно, право слово! Почему мужчины предпочитают, чтобы на них все заживало само собой?

Волшебная мазь творила чудеса. Кожа порозовела, затянулась. Создавалось впечатление, будто магистр просто неудачно побрился. Взяла на заметку – узнать у лекаря состав.

Вопреки опасениям, из академии меня не выставили.

Само учебное заведение бурлило. Сессию отменили, просто вызвали старост и вручили списки с проставленными оценками по предметам. Ни одного «неудовлетворительно», даже я умудрилась получить по злосчастной бытовой магии

«хорошо с минусом». Признаться, ожидала «посредственно». По занудной истории сопредельных государств и вовсе заслужила «отлично». В итоге: проходной балл на следующий курс – восьмая с конца. Видимо, работа в библиотеке и вправду благотворно влияет на умственные способности и отношение преподавателей.

Светана и вовсе сияла от счастья. Она в числе первых на курсе, одни «хорошо» да «отлично», с минусами и без.

– Ты как, идешь на общее собрание? – огорошила вопросом соседка, любовно прижимая к груди табель.

– Какое собрание? – я писала письмо Хендрику и туго соображала.

Если учебный год закончен, можно вызывать мужа. Покуролесить недельку в Вышграде, насладиться жизнью. Словом, мыслями я была очень далеко и умудрилась проворонить объявление в холле.

– Таинственное. – Светана обернулась ко мне и закатила глаза. – Вообще-то туда первокурсников не допускают, но мы-то уже второкурсники. Не отстающие, храбрые. Спустишься почитай: мы подходим.

– Опыты ставить собираются? – брякнула, вспомнив страшилки Хендрика.

На самом деле я сама издевалась над алхимиками, заставляла заполнять длинные формуляры, следила за чистотой рук на вверенной библиотечной территории. К слову, обход нужно перед отъездом сделать, жетон сдать, в журнале рас-

писаться.

– Какой-то конкурс, – пожала плечами подруга и убрала табель. Она его даже под подушку клала – так гордилась. – Для лучших из лучших.

– Это для тебя.

– Для нас, – поправила Светлана и подмигнула карим глазом. – Я прилежная заучка, ты – опытный ботаник и храбрая разведчица, Лаэрт – маг. Вместе мы сила!

От души посмеялись.

Новоиспеченные второкурсники ничего путного собой не представляют. Особенно мы, девочки, которые на вы с общей бытовой магией. У Лаэрта хоть дар. Он шарики, драконов и прочих тварей из огня творит, умеет создавать искусственный свет. Входит в резонанс, концентрируется, нащупывает дар... Знаю, путано объясняю, просто на самом деле ничего в магии не понимаю. Могу чувствовать, есть или нет, зазубрила пару теоретических принципов, не более. Все эти сетки, откаты, законы противодействия и перетекание одного состояния вещества в другое – темный лес. Прочитала и забыла. А вот Лаэрт понимает, что-то моделирует.

Оставалось надеяться, к третьему курсу поумнею, научусь рассчитывать заклинания. Только пользоваться смогу исключительно общедоступной магической энергией: дара нет, подпитки тоже. Однако выяснила, проблема решается, способности к чародейству развиваются практикой. Разумеется, сильным магом не станешь, но паршивеньким – вполне. Я не

гордая, мне хватит.

День выдался славным и теплым, до таинственного собрания времени много, посему отправилась гулять. Заодно попробую найти Лаэрта. Не люблю загадок, может, хотя бы он знает, с чего вдруг студентам преподнесли такой щедрый подарок, как отмена сессии.

Студенческий дом магов – это нечто. Дыры в стенах – обыденное дело. Интересно, сколько занавесок, безвинных деревьев и кустарников пострадало от выходов будущих магов? Зато вместо дверного звонка у них занятная вещь – нечто вроде говорящего духа.

Опасливо толкнула дверь.

Дух никак не обнаружил себя. То ли заступал на пост ночью, то ли старшекурсники избавились от ненужного свидетеля любовных походов.

Внизу меня никто не остановил: привыкли к девочкам, сновавшим к поклонникам.

Лаэрта, разумеется, в комнате не застала. Ладно, не судьба, свидимся вечером.

С эльфом встретила в парке: друг тренировался с огнем. Обнаженный по пояс, предельно сконцентрированный, он подчинял необузданную стихию. Огонь плясал на пальцах, взмывал в небо и по воле владельца менял форму и направление движения. Завораживающее зрелище!

Смело перелезла через кусты и привлекла внимание Лаэрта. Правила безопасности соблюдала: заходила сбоку, не де-

лала резких движений. Притерпелась, уже не страшно.

Мы премило поболтали, но Лаэрт знал не больше моего. Он сам кругами ходил вокруг наставника – тут группки студентов с одной стихией прикреплялись к опытному волшебнику, составлявшему индивидуальный план занятий, – бесполезно.

Любопытство привело в общий зал абсолютно всех. Я тут никогда прежде не бывала и с интересом осматривалась. Размер впечатлял, поневоле чувствуешь себя букашкой. Высоченные потолки, стрельчатые окна, два ряда мощных столбов, поддерживавших потолок. По сравнению с общим залом читальный студенческий зал казался скромными сенями.

На крестовинах столбов под самым потолком сидели каменные горгульи. То ли так задумал архитектор, то ли они застыли в причудливых позах по воле магов, превративших их в каменные изваяния.

Тончайшая резьба вилась по опорам, переплетаясь с вкраплениями других горных пород. К примеру, ближайший столб украшали вставки из гранита. Красноватые сполохи на фоне спокойного песчаника впечатляли, казались кровью, а то и сырым мясом – разыгралось воображение перед ужином.

Стекла, как и в библиотеке, отливали разными цветами: то фиолетовым, то синевой, но странным образом не искажали солнечные лучи.

Два окна оказались витражными, и Светлана тут же начала пытаться, кого там изобразили. После позора с Рональдом Храбрым я его ни с кем не спутаю. Вторая личность тоже знакомая – Пузана Златокудрая.

Впереди, в торце зала, над головами собравшихся воспарила святой Йордан, поддерживавший знак академии. Золотыми буквами на нем горела заповедь мага: «Властвуй, но не навреди».

Помещение освещалось магическим светом. Он практически не отбрасывал теней, за что и ценился. Здесь использовали не светильники, не шары, а прямоугольные сгустки, парившие под самым потолком. Они активизировались, когда начинало темнеть. Не все сразу, а постепенно, по мере необходимости.

Студентов рассадили по курсам, не деля на факультеты. Воспользовавшись случаем, мы со Светаной устроились рядом с Лаэртом, с нетерпением поглядывая на пустовавший помост.

Все вокруг шушукались, игнорируя просьбы старост соблюдать тишину.

Наконец появился ректор в сопровождении группы магистров, преподававших на старших курсах. Один хлопок в ладоши, и студенты уgomонились, приготовившись внимать магистру Айву. Он поздравил всех с успешным окончанием учебного года и настоятельно просил удалиться тех, кто не соответствует требованиям объявления.

– Вас все равно выведут, – улыбнулся ректор. – Если храбрость я не проверю, то оценки – запросто.

Разумеется, никто не ушел. Студенты встретили предупреждение смешками. Напрасно: неведомая сила подняла дюжину юношей и девушек с места и вынесла на улицу.

Гулко закрылись тяжелые двери.

М-да, эффектно! Поежилась и порадовалась хорошим отметкам.

Вступительная часть закончилась, и нам велели принести клятву молчания. Отныне мы не имели права говорить о том, что услышим в зале.

Покорно повторяя вслед за всеми, призывая в свидетели всех, кого только можно. Даже пообещала откусить себе язык, если разболтаю Хендрику.

В какую государственную тайну нас посвятят?

Речь шла о безопасности Златории, ни больше ни меньше. Нет, открытым текстом никто о столь серьезных вещах не говорил, но как иначе понимать эту странную практику? Да и магистры сидели мрачнее тучи. Нам надлежало разъехаться по разным частям королевства и наблюдать, не появились ли подозрительные люди, не повылезала ли из нор нечисть, не стало ли больше магии. Если вдруг что заметим, нужно написать в академию декану, но ничего не предпринимать.

Для отвода глаз студентам надлежало выполнить учебное задание: собрать гербарий, изучить местное зверье, поработать с балансом сил и прочее, в зависимости от факультета и

курса. Мне, к примеру, следовало собрать краткую историю города или деревни.

Ректор закончил говорить, и зал погрузился в тишину.

Воздух буквально пропитался напряжением. Казалось, чиркни огнивом – займется.

Испуганные взгляды с немymi вопросами, ерзанье на скамейках...

Должно быть что-то еще, нутром чуяла: вторая часть собрания. И она не заставила себя ждать. Всех, кроме нескольких человек, попросили удалиться. Неожиданно в числе счастливиц оказалась и я. Вот уж не ожидала!

Шестерке избранных велели подняться и встать в кружок. Все старше меня, с разных факультетов. Две девушки и четверо парней. Перекос не удивлял: боевые маги обычно получают из мальчиков, не в обиду девочкам. Зато мы хорошие целители и в обычной волшбе неплохо смыслим, той же рунной.

Размышления прервал ректор. Он предупреждал, что мы вольны отказаться, миссия опасная. После обратился персонально ко мне, обманув надежды, – я всего лишь должна обеспечить студентов нужными сведениями.

– Вы отправитесь в иной мир. Магистр Лазавей обеспечит переход и будет курировать ваши действия. Также с вами отправится магистр Тшольке. Что вам надлежит сделать? – Ректор немного помолчал. – Найти и уничтожить Первосвященника, если он избран, и предотвратить возвращение слу-

жителей Бархуса в Златорию.

Сгрудившись, магистры и их подопечные обсуждали, как лучше избавиться от давней проблемы, какие заклинания применить, какие средства использовать, а я слушала и не понимала, какого пьяного упыря они вытворяют. Думают ли вообще? Представьте банду магов, врывающуюся в иной мир и наводящую там шороху? Что вы сделаете на месте жителей? Правильно – убьете наглых чужаков. При всем уважении к умениям собравшихся, их меньше, нежели раздраженных иномирцев. Да и кто сказал, что те только топором махать горазды, хотя волшебник и от топора не застрахован. Запас сил не бесконечен, тукнут и даже не похоронят. А ведь там могут обитать маги, сильные маги.

Отчего в самое пекло предстояло лезть волшебникам, понимала. В их же интересах уничтожить Первосвященника. Если тот вернется, маги в Златории исчезнут. Их и так мало: власти строго следят за количеством. Магией в Златории дозволялось заниматься только выпускникам академии, единственной на все королевство. На город полагается не больше энного количества чародеев, всем остальным вежливо, но настойчиво предлагают покинуть страну. Король, пусть и опирался на магов, опасался переворота. Тяжело контролировать тех, кто сильнее тебя. Тем не менее в армию волшебников допускали, но отряжали защищать границы. В столице боевых и вовсе не держали, кроме преподавателей академии и личной гвардии. Поговаривали, его величество

охраняли хорошенькие выпускницы, маскировавшиеся под фавориток. Так или нет, не знала, зато не позавидовала ведьмам-самоучкам. Прознает кто, не оберешься проблем.

Словом, отчего лезли магистры, отчасти понимала. Во-первых, они самые сильные. Во-вторых, смогут сделать все тихо, не придавая огласке. С государством тут связываться нельзя, такая паника поднимется, столько шума! Агенты бы, наверное, справились, но раз у ректора были веские причины не обращаться в Тайную стражу, то, значит, так надо. Может, боялись наказания: как-никак волшебники отвечают за межмировую безопасность, а тут такой конфуз! Устрой священники такое представление за стенами академии, точно бы руководство все полетело.

В-третьих, старые счеты. Магистры ненавидели служителей Бархуса, те платили им тем же. У многих двадцать лет назад погибли близкие, многие помнили запах костров. Магистр Айв и вовсе наверняка застал времена, когда за магию могли бросить в тюрьму. Да, представьте себе, волшебники не всегда считались союзниками трона, в них видели угрозу. Нынешний король привлек чародеев, даровал права, а, к примеру, его покойный дядя, наоборот, велел закрыть академию.

Словом, работу лучше сделать самим. Только вот к вылазке нужно серьезно готовиться. В общем, слушала, слушала, а потом не выдержала и встряла. Разумеется, все усталились на выскочку-второкурсницу, которую никуда не звали.

– Простите, что вмешиваюсь, но вы поступаете глупо. Перед тем как кого-то убивать, нужно сначала разведать обстановку. Иначе вы только распугаете врагов и ничего не добьетесь.

– Что же вы предлагаете? – скептически хмыкнула магистр Тшольке.

Наши отношения не заладились с самого начала. Вот и теперь преподавательница смотрела с презрительной усмешкой. Наверное, есть женщины, которые ненавидят других женщин за сам факт их существования. Вот и Осунта Тшольке явно предпочитала мужчин, своему полу же отказывала в зачатках ума. А все по банальной причине: нам перепали поклонники, ей – боевые заклинания.

– Попасть туда под видом мирных жителей. На местных мы наверняка не похожи, нужно придумать какую-то историю. Посольство, например.

Магичка рассмеялась и захлопала в ладоши.

Я скривилась, но закончила:

– Просто хочу, чтобы все остались живы.

На несколько минут воцарилось молчание. Магистры совещались, а потом «хвостатая стерва» неожиданно похвалила за находчивость.

– Не ожидала, что вы окажетесь умнее магистров, – поспешила она добавить ложку дегтя. – Только тогда надлежит менять весь план. Под вас.

То есть как под меня? Под мое предложение? Оказалось,

Осунту Тшольке следовало понимать буквально. Ей требовались женщины: «Они привлекают меньше внимания».

Похоже, ее слова удивили не только меня. Остальные магистры (все сплошь мужчины) дружно переглянулись и прыснули в кулак. Я с ними солидарна: женщины любят привлекать внимание, а вовсе не наоборот, но откуда же магистру Тшольке это знать? Впрочем, она особа заметная, только иными качествами.

Студенты также шушукались, посматривали на меня. Осталось лишь пожать плечами. Если я подарила магистру Тшольке идею, это не значит, будто я в курсе происходящего. И ни в какой Оморон точно не собираюсь. Хочу к мужу. Мы с Хендриком давно не проводили время вдвоем со всеми вытекающими последствиями. Надеюсь, застану благоверного дома, а то с него станется оставить записку: «Уехал по делам. Грязную посуду, рубашки и двадцать ведер ягод для варенья оставил тебе».

Семейные размышления прервала магистр Тшольке – Госпожа Выжга, вам, как младшей, лучше бы послушать.

– Почему? – удивленно поинтересовалась я.

– Из-за отсутствия опыта и потому что я объясняю вашу роль.

Так, какую роль? Пока не поздно, нужно отделаться от сомнительной практики. У меня планы на лето, между прочим. Оказалось, у магистров задумки куда интереснее, даже за-

слушалась.

Мир, в котором затаились враги Златории, был не известен даже ректору. Магистр Лазавей сумел вычислить его координаты, выяснить название – и только. Как-то не контактировали мы до этого с Омором, но маги в один голос заявляли: там живут люди. Приятно слышать, особенно когда предстоит там побывать. Прикинемся людьми, собирающими сведения о разумных собратьях. Этакая научная миссия.

По словам изобретательницы плана, язык у меня хорошо подвешен, личико смазливое – располагает к откровениям. Посему мне ими и работать. Как же она назвала ту профессию? Хроникер. Хроникер «Академического вестника». На старших курсах студенты издавали газету – сборник печатных листов, тоньше и легкомысленнее книги. Писалась в ней всякая всячина: местные новости и сплетни. Меня, впервые за всю историю академии, брали туда работать на время почетной миссии. Почему в первый раз? Так второкурсница. Хотя именно мой факультет издавал «Вестник» с помощью алхимиков, которых хлебом не корми, дай что-то изобрести или соорудить. Например, самонаборные буквы, которые потом легко стереть и заменить на новые. Жаль, до нас листы не доходили: разбирали.

Стать автором текстов «Академического вестника», но перемещаться в другой мир не собиралась. Так и заявила магистру Тшольке. Та хмыкнула, но вроде согласилась. Сказала, могу идти, знала, что я трусиха. Ну и пусть, не поведусь.

Попрощалась и ушла, благо двери выпустили.

Задумали тоже! Среди старшекурсниц тоже девушки есть.

В комнате поджидал сюрприз: записка с приказом явиться в кабинет декана.

Вопросительно уставилась на Светану. Та несколько раз перечитала послание и одарила таким же удивленным взглядом. С трудом смолчала: клятву ведь дала.

– Пойдешь? – пристала подруга.

Она сложила два и два, заподозрила, меня звали не отметки обсуждать.

– Разумеется, нет, – решительно заявила я, порвала записку и выбросила в окно.

Светана предложила не рубить сплеча и не портить отношения с начальством. Отмахнулась. Знаю, зачем пригласили, но хватит на мою пятую точку приключений. Пусть маги планируют великие дела без первокурсниц.

Проснулась уже в предрассветной дымке. Зевая, встала и поплелась по нужде. Краем глаза мазнула по окну в конце коридора: день обещал быть ясным. Пообщавшись со столь незаменимым местом, сонно толкнула дверь и... поняла, что шагнула явно не туда.

Глава 4

Мы ждем подарков от судьбы – она готовит нам сюрпризы

Долго силилась понять, где я и что я. В одной ночной рубашке, с всклокоченными волосами... Хотя не о том думаю. Куда важнее пульсирующая в висках кровь и вязкая субстанция, сжимающая тело. Вроде воздух, а вроде и нет. К тому же уши заложило. Все вокруг воет, шумит. Резкая вспышка – и сиреневое облако перед глазами рассеялось, а легкие с облегчением сделали полный вдох.

Робко шагнула и сразу поняла: что-то не так. Я никогда не двигалась, будто эльфийки, а тут едва ли не парю. Ладно, будем считать подарком природы, только вот точно не златотурской.

Я стояла на большом горячем красном камне. Больно босым ногам. Зато не простужусь. Вокруг жара, как в погожие деньки макушки лета.

Итак, камни. Много камней. Горы? Пара деревьев, вроде сосен, только низких, раскидистых, с мягкими иголками. Небо... Оно фиолетовое! Солнце тоже неправильное – пульсирующий белый рогатый шар, то увеличивающийся, то уменьшающийся.

Дышать могу, хотя с непривычки чуть не захлебнулась чи-

стым, будто после грозы, воздухом.

Облака нормальные. Хорошо бы прикрыли палящее светило! Оно, к слову, давно заползло на небосклон, тут не утро, а самый разгар дня.

Что еще имеем?

Слезла с камня и осторожно ступила на землю, на всякий случай избегая касаться местных растений: вдруг покусаят? Помню плотоядных тварей у преподавательских домов! Вроде никто не собирался меня убивать. Дружелюбный мир – это хорошо. Я ведь уже поняла, что оказалась за пределами Златории, в какой-то иной действительности.

Плато нависало над долиной, покрытой сизой дымкой. Время от времени ее прорезали синие вспышки. Нахмурилась. Колдовство? Природное? Невозможно! В учебниках писалось... Присмотревшись, поняла, это игра света.

На горизонте заметила город. Во всяком случае, это походило на город – слишком далеко, чтобы разобрать.

Дорога, деревья, красные пятна – цветы или плоды. Людей и нелюдей не видно. Не особо огорчилась. Вдруг местное население чует чужаков за пару верст?

Убедившись, что никакая опасность мне пока не грозит, ступила на траву и задумалась. Подавила желание расплакаться. Толку-то? Нужно выбраться отсюда, вернуться домой.

Ладно, посмотрим правде в глаза: сама не выберусь. Эх, знать бы, кто или что меня сюда закинуло. Какого туполобо-

го барана створы перехода раскрылись в коридоре у нужника?

Стоп, не верю я в совпадения. Меня зазывали в Оморон, я отказалась, а потом попала к кикиморе в болото. Интересно, правда? И вдвойне интересно, сколько по законам Златории полагается за похищение человека.

– Магистр Лазавей! – источая елей, позвала я, нашарив на земле обломок камушка.

Ничего, меня оправдают.

Реакции не последовало, но точно знала, паразит скоро объявится. И не один – с компанией.

О, легок на помине!

Увы, я ошиблась: в паре десятков шагов к северу выкинуло юношу и девушку. В отличие от меня, причесанных, одетых, с дорожными мешками. Кисло улыбнулась им и села так, чтобы нигде ничего не просвечивало, благо длинные волосы заменяли накидку. Студенты с опаской присели рядом, предложили поесть.

– Нас до завтрака подняли, сухой паек дали.

Согласилась и, пока дожидались магистров, зажевала бутерброд, запивая киселем из фляги. Заодно придумала гневную речь.

Юноша, старше года на три-четыре, то и дело посматривал в мою сторону, видимо, в поисках услады мужских глаз. Женские прелести, увы, показываться не желали, а пальцы и вовсе сложились в емкую композицию.

– Хотите, я вам кофту дам? – не выдержав, предложила девушка, самая старшая из нас.

Строго одетая, с кучей амулетов на шее. На поясе – сумка. В деревнях в такие кладут ножницы, ключи, деньги и прочую полезную мелочь, но не думаю, чтобы девушка использовала ее для подобных нужд. Наверное, колдовские штучки прячет. Интересно, с какого она факультета? На общеобразовательном я ее не видела, да и парня тоже.

Поблагодарив, приняла кофту и представилась.

Юношу звали Липнер, он учился на пятом курсе алхимического факультета. То-то немного странный, тихий и женщинами интересуется. Высокий блондин со стрижкой «ежиком». Плечистый, сразу видно, сильный. Девушка назвалась Юлианой, студенткой шестого, предпоследнего, курса факультета активного чародейства. Ничем ни примечательная шатенка с едва заметными веснушками на переносице, среднего роста и такого же сложения. Значит, Липнер отвечал за всякие зелья, изобретение сущностей и вещественных заклинаний, а Юлиана занималась магией контактного воздействия, вроде убиения лишних свидетелей, построения защиты и прочих сложных, но жутко опасных вещей.

Однако припекает тут не по-детски! Так и ожог получить недолго, кожа уже покраснела.

На этот раз заботу проявил Липнер. Порылся в мешке и протянул баночку с мазью.

– Держи. Найди тенек и намажь все открытые части тела,

а то сгоришь. У тебя кожа нежная, не для местного солнца.
– Мы в Омороне, верно? – чтобы разрешить все сомнения, поинтересовалась я.

Оба, не сговариваясь, кивнули.

Прекрасно, просто прекрасно! Я кого-то точно засажу в тюрьму. Может, магистр и симпатичный, может, уникальный маг, но ответит по полной. О, если б знала, не стала бы беспокоиться о лице, пусть бы ходил со шрамом.

Покусывая губы от усиливающегося зуда, отчаянно искала местечко, где бы бесово светило оставило меня в покое, а Липнер не видел. Ладно, в крайнем случае спиной к нему сяду.

Очередная вспышка явила миру честную компанию самых «любимых» людей на свете: уставшего, посеревшего лицом, помятого магистра Лазавея и магистра Тшольке. В отличие от студентов, они пришли налегке, только у Осунты зажат под мышкой какой-то сверток.

Задумку я осуществила и даже не промахнулась: деревенские девчонки тоже стреляют из рогатки. Увы, вреда булыжник не причинил, соскользнув с окутавшего магистров мыльного пузыря. Защитная магия!

– Умерьте пыл, госпожа Выжга, и приведите себя в порядок, – скривила губы Осунта и бросила сверток на камни. – Прояви вы благоразумие, не задерживали бы нас.

– Все-таки неправильно было так, – возразил магистр Лазавей, косо поглядывая в мою сторону. – Насильно. И пере-

ход, не в госпоже Выжге дело, Осунта, я практически полностью выложился.

– Поэтому я и отправилась с вами, – улыбнулась магистр Тшольке и, помедлив, добавила с неожиданным восхищением в голосе: – Вы меня поразили, Эдвин, сделали практически невозможное!

– То же, что сделал бы любой специалист по изменению сущностей, – отмахнулся маг и, нагнувшись, подобрал брошенную коллегой одежду.

Взгляд его снова обратился ко мне. Невольно залилась румянцем. Создавалось впечатление, будто стою перед ним голой, да еще в бесстыдной позе. И ведь глазами не раздевает, хотя проявил интерес к формам, как любой мужчина на его месте, но мимолежный.

– Так дело не пойдет, – решительно заявил магистр Лазавей. Ему почему-то не понравились мои босые ноги. – Ночная рубашка не лучшая одежда для Оморона.

– А я сюда не рвалась, – насупившись, отвернулась и тут же дернулась, когда мужские пальцы коснулись бедра.

Судорожно сглотнула и задержала дыхание, отгоняя крамольные мысли. Не станет же он при свидетелях!.. Разумеется, не стал. Магистр, не обращая внимания на подколки и возражения, намазал тело тем самым составом, который дал Липнер. Прodelал все быстро, ловко и нормы приличия не перешел: выше положенного подол не задирает, вырез рубашки не трогал.

– Остальное сами. Держите! – Маг всучил в руки баночку с мазью.

Затем наклонился и извлек из свертка одежду, максимально закрывавшую тело. Спасибо, позаботились, не оставили позориться.

Магистр Лазавей отошел, походя укрыв меня колышущейся непрозрачной стеной от глаз наблюдателей.

Воспользовавшись обстоятельствами, переоделась.

Надо же, Осунта белье прихватила! А вот такие платье и платок я бы не надела, но тут не до капризов: в ночной рубашке не походишь! Последнюю тщательно свернула и маялась, не зная, куда девать. В руках нести?

А ноги до сих пор босые: доставить обувь магистр не озаботилась.

Пелена дрогнула и рухнула.

Маги придирчиво оглядели меня, велели Юлиане забрать рубашку и поделиться запасными туфлями.

– В ближайшем городе оденем всех по оморонской моде, – пообещала Осунта Тшольке. – Потерпите!

Туфли оказались велики, поэтому я задерживала спутников, плелась еле-еле, опасаясь споткнуться или вовсе потерять обувь.

Чувствовала себя погано. Во-первых, разлучили с родными. Во-вторых, я никуда не желала идти. В-третьих, в гроб краше кладут. Такое воронье гнездо на голове! Только платком и прикрывать.

Солнце тут горячее, без мази точно бы в рака превратилась. Кожа шелушится и чешется: обгорела все-таки.

Видимо, устав дожидаться плетущуюся в хвосте студентку со страдальческим выражением лица, магистр Лазавей подхватил меня в охапку. Между нами завязалась интеллектуальная беседа о правах преподавателей и законности их методов. Пару раз казалось, маг не выдержит, бросит на камни.

– Так нужно, – в который раз повторил магистр. – Вы подали идею, неглупы, идеально подойдете. Хватит, Агния, не действуйте мне на нервы!

Ладно, помолчу, но к этой теме мы еще вернемся в кабинете ректора, когда выберемся отсюда.

Не желая, чтобы коллега надрывался, таская мое бречное тело, Осунта соорудила что-то вроде гамака из переплетения синих прозрачных нитей и велела сесть в него. Магистр Лазавей облегченно вздохнул: устал и нести, и слушать. Я, конечно, хороша! Он виноват, но перемещение измотало, выжало до нитки.

Гамак плыл за спинами магов, подпитываемый тоненькой ниточкой от левой руки магистра Тшольке. Сильная ведьма, раз может подобное! Однако, если они решили задобрить заботой, магистры просчитались. На ближайшем привале я устрою им веселую жизнь.

Чтобы хоть отвлечься от мрачных мыслей, рассматривала окрестности. Много красноватого камня, попадаетсЯ слепящий белый. Именно он бликовал на солнце. Растительности

мало, в основном странные мягкие елки, кустарник наподобие боярышника. Трава змеистая, с узкими острыми листочками.

Внизу, разумеется, интереснее, но до долины нужно добраться. Спуститься туда ой как тяжело! Повезло, что не ножками в чужих туфлях.

Когда пульсирующий рогатый шар над головой превратил камни в сковородку, маги объявили привал.

Едва успела среагировать, когда магический гамак исчез. Магистр Тшольке, очевидно, мечтала, чтобы моя пятая точка набила синяков. Видела ведь, как скривилась, когда умудрилась усидеть на корточках. Спорю, это ее идея притащить меня сюда.

Мы устроились в тени отвесной скалы – огромного камня, окруженного зарослями кустарника. За ним оказался клочок земли, его и облюбовали. Липнер занялся разведением огня без применения волшебства, а я – мезью. Нет, до поры до времени мирно сидела в сторонке, а потом якобы отправилась по нужде. С глумливой улыбкой сломала облюбованную ветку. Острие заточила о камни. Получилось нечто вроде самопальной стрелы, но я собиралась использовать ее для других целей.

Никогда не угрожала человеку, надеюсь, получится. Иного шанса вернуться в Златорию нет. Помню, магистр сжалился, не заставил натирать кровавые мозоли, с удовольствием попытаю его коллегу, только вот она не умеет открывать пор-

талы. Ладно, я ведь не покалечу, максимум оцарапаю.

Магистр Лазавей сидел в стороне от всех и чертил на земле закорючки. Погруженный в себя, он не обратил внимания на тихие шаги. То ли не слышал, то ли знал, что свои.

Снова рыпнулась совесть: нехорошо, гадко. Загнала ее подальше. Я ведь не убивать собралась, просто восстановить справедливость. Пусть вернет обратно, и все. Если разговоры не действуют, придется так.

Эх, вперед, Агния!

Собралась с духом, прыгнула и локтем прижала голову мага к себе. Выше, у самого подбородка, приставила ветку. Точно так же поступали разбойники, только вместо палочки нож.

– С ума сошла? – прошипел магистр и ударил по руке.

От неожиданности дернулась и чиркнула острым краем ветки по горлу, оставив алый след.

Маг притих, видимо, посчитал хладнокровной убийцей, не понимающей слов. А я сама крови испугалась, не хотела ведь. Только отступать поздно, нужно идти до конца. Вспомни про ночную рубашку, Агния. Они поступили дурно, ты тоже имеешь право.

Магистр Лазавей сосредоточился, пытаясь выжать из себя остатки магии. Не вышло: не восстановился еще. Поэтому и напала. Да, я трусливая, да, мне не стыдно.

– Это вы с ума сошли, – перехватила ветку удобнее. Не быть мне убийцей: руки дрожат. – Не я же похитила челове-

ка чуть ли не из постели. Лучше верните обратно в студенческий дом. Обещаю, ничего не скажу властям.

– Глупо! – Пальцы мага легли на мои. – Осунта рядом, да и я сильнее. Неужели полагаешь, будто справишься с мужчиной? Вроде не боевой маг.

– Захочешь домой, не так раскорячишься. – Для устрашения чуть сильнее надавила на горло магистра. – У меня каникулы, я мужа сто лет не видела, – добавила в голос плаксивости.

Сколько еще так стоять? Руки уже затекли.

– Ну и как, Агния, ты собираешься обратно? – усмехнулся магистр, будто не я, а он хозяин положения. – Не уверен, что в Омороне есть некроманты.

– Зачем мне некроманты? – Пока не улавливала логики. – Вы откроете ту штуку в академию, только и всего. В противном случае, – мстительно добавила я, – обещаю массу проблем.

– Большое спасибо! – обиделся оппонент. – Хороша благодарность! Знал бы – была бы от боли без одежды: Осунта такой мелочью не озаботилась. Девочка, – его голос стал серьезным, – убери руки. Прошу один-единственный раз.

Я не вняла предупреждению и в мгновение ока оказалась на земле, больно приложившись плечом о камень. Вывернутое запястье заставляло цедить воздух сквозь зубы. Ох, магистр мне кости сломал! Маг смотрел безо всякой жалости. Ударил женщину и доволен! Тут меня прорвало, помутнение

рассудка нашло. Он ведь еще и связать собрался, иначе зачем полез в карман за веревкой? Как овцу, да? Так получите! Нельзя доводить женщину, сами виноваты.

Рука нащупала булыжник. Как и все деревенские, бросать камни умела и с удовольствием запустила оружие в мерзавца. Маг взвыл, запрыгал на одной ноге.

– Вот с-с-с... дрянь! – в последний момент меня передумали называть невестой кобеля.

– Я не дрянь, а разлученная с мужем жена. Радуйтесь, что рядом ножа нет.

Кривясь, растирала запястье и гадала, смогу ли двигать рукой. Бросок дорого дался, хотелось кататься по земле и тихо поскуливать.

– Радуюсь! – огрызнулся магистр. Он неуклюже плюхнулся на землю и закатал штанину. По коже расползся синяк. Как всегда, больше криков – мужчины любят преувеличивать увечья. – Ты соображаешь, что убить могла? – напустился на меня маг, сверкая глазами.

– Да не больше, чем вы меня.

Лазавей плотно сжал губы. Вокруг его пальцев слегка заискрился воздух. Ладони будто закололо иголками: кожа уловила магию. Отчего-то не испугалась, наоборот, с вызовом посмотрела на магистра. Пусть убивает, все равно. Хендрик остался в Златории, здесь священники, я – маленькая и беспомощная. Шансов выжить никаких.

На перебранку явилась магистр Тшольке. Странно, что

остальные не подтянулись. Я бы точно нос высунула.

– Это она? – Осунта покосилась на закатанную штанину.

– Могу и вас осчастливить, – буркнула я и потребовала: – Немедленно верните меня назад!

– Ты нужна Златории, – отрезала магистр Тшольке и ехидно добавила: – Сама предложила, сама напросилась.

Всегда знала, язык нужно держать за зубами, а инициатива наказуема, но как тяжело молчать!

Ладно, не одному же магистру Лазавею страдать, камней хватает. Осунту Тшольке я ненавидела всей душой, с первой минуты знакомства, посему без зазрения совести запустила в нее камнем. Эх, промахнулась, угодила в защитный мыльный пузырь!

– Так, мне это надоело, я ее свяжу.

«Хвостатая» ведьма насупилась, вскинула руки, но спутник остановил. Не ожидала от него. Маг покачал головой и мягко попросил:

– Иди к остальным, Осунта, я разберусь. Девочка перенервничала.

Магистр Тшольке одарила убийственным взглядом и прощедила, что всегда знала, ничего путного из меня не выйдет. Взяли из жалости вздорную девицу, теперь расхлебываем. После пообещала в красках расписать декану все прелести увиденной сцены и ходатайствовать о наказании, а то и исключении из академии.

– Никогда не думала, что в академии преподают люди

сомнительных моральных качеств, – я в долгу не осталась, щедро добавила яда в голос.

Что теряю, раз исключать собрались?

Непередаваемые все же ощущения, когда вас чуть-чуть не убили. Вот и я осеклась, со страхом взирая на обуглившуюся траву рядом. А у стервы характер!

– Уйди, Осунта, обедом займись, на разведку сходи – словом, выплесни энергию в мирное русло на полчаса. – Магистр Лазавей встал, подошел к коллеге и положил руку ей на плечо. – Иначе мне вас разнимать придется. Какой пример подаешь девочке?

Показалось, или он не просто так смотрел Осунте в глаза? Та неохотно удалилась, всем своим видом показывая, ничего хорошего меня не ждет.

Тяжело вздохнув, Лазавей снова сел и устало предложил:

– Поговорим? Без крика, ругани и членовредительства.

Кивнула и тоже осторожно присела.

Сердце все еще гулко стучало в груди.

Осунта чуть не убила!

– Обещай больше ни на кого не нападать. Надеюсь, не обиделись, что на ты?

Понимаю, когда волнуешься, тыкать удобнее.

Обещание дала: все равно пар выпустила, осознала и стыдно стало. Магистр Тшольке в чем-то права, неподобающее поведение для студентки.

– Чудесно! – улыбнулся маг. – Пункт второй: за перене-

сение из коридора благодарите магистра Тшольке. У нее зуб на вас. Обставили ее, указали на брешь в рассуждениях. Да и на вступительных экзаменах она к вам не благоволила, — хмыкнул Лазавей. — Словом, вы ей не нравитесь. А вот почему вы сюда попали...

Магистр почесал переносицу и вздохнул. Видела, что он тянет время, но не торопила.

— Если бы вы пришли к магистру Тревеусу, вам бы все объяснили, — наконец продолжил маг. — Нам нужна конкретная женщина, то есть вы, по причине... По причине отсутствия у вас дара, умения очаровывать и подходящей внешности, — на одном дыхании выпалил он.

Удивленно уставилась на магистра, а потом нахмурилась. Кого это там я должна обольщать, какая такая внешность?

— Вы сумеете втереться в доверие к Первосвященнику, — соизволил пояснить Лазавей. — Служители Бархуса ценят зеленоглазых блондинок, считая их воплощением чистоты. Когда вас проверят на магические способности, ничего не обнаружат.

Молчала, переваривая услышанное, догадываясь, часть правды от меня таки утаили.

— Ваши друзья также знают, где вы, — заверил магистр. — Вашему мужу я отписался. Официально вы помогаете экспедиции в землях эльфов.

— Спасибо, — чистосердечно поблагодарила я и, помедлив, извинилась за ветку и камень.

Лазавей отмахнулся:

– Проехали!

А вот с магистром Тшольке мы еще потолкуем, по-женски. Сплету из ее волос венки и с гордостью стану носить, только до этого выпытаю, куда меня собираются послать. Никого соблазнять не собираюсь, пусть Осунта старается. Помочь помогу, а в пасть к умертвию – увольте!

– Что вы притихли, Агния? – поинтересовался Лазавей и осторожно встал. Покосился на меня и подобрался ближе. Даже сейчас двигался плавно: видимо, это врожденное, от дара, а тут еще и особенность воздуха Оморона.

– Отвернитесь!

В кусты так захотелось. Не иначе от волнения. Тут еще подозрительно занял низ живота. Только не сейчас!

– Зачем? – насторожился магистр.

Наверное, решил, будто попробую его задушить.

– Затем, – буркнула я.

Хорошо мужчинам: понятия не имеют о стольких неприятных вещах!

– Что-то болит? – насторожился маг, заметив выражение лица.

Не удостоив магистра ответом, полезла в ближайшие кусты.

Хоть бы показалось, хоть бы не увязался следом!

К счастью, магистр Лазавей сам догадался, не нарушил одиночества. Да и с другим повезло: живот отреагировал на

переживания.

Вернувшись, предложила перевязать магистру ногу.

– У вас уже входит в привычку наносить мне увечья, а потом лечить их, – усмехнулся маг. – Благодарю, но нет. Вдруг еще что-то выкинете? Точно ничего не болит? – Он выжидающе глянул в глаза. – В аптечке есть лекарства.

Заверила, ничего не требуется, и вслед за Лазавеем направилась к костерку. На вопросительные взгляды студентов маг не отвечал, внезапную хромоту не комментировал. Я не возражала: хватит того, как Осунта зыркала. Вот за что она меня так ненавидит? Не иначе, похожа на девицу, которая некогда отбила мужика.

Еда у Липнера вышла сомнительная, но я съела, потому как привередливые протягивают ноги.

Вот чем хорош магический огонь, так тем, что не дымит, то есть внимания не привлекает. И не обжигает. Хотя он тоже разный бывает: мирный и боевой.

Разомлевшую после еды, меня огорошили требованием все вымыть и прибрать.

– Чем? И где? Что-то воды не вижу...

– Я нашла, – ухмыльнулась магистр Тшольке. – Заодно поговорим.

Ясно, продолжение следует, а мытье посуды – только предлог.

Страшно, предпочла бы, чтобы магистр Лазавей оказался рядом. Вдруг Осунта снова вздумает убить? Однако виду не

показала, кивнула и поплелась вслед за Тшольке с тарелками, кружками и котелком.

Солнце по-прежнему припекало, тело вновь начало зудеть. Пора подновить слой мази, а то в рака превращусь.

Наконец мы остановились перед лужей, которую Осунта почему-то назвала водой. Прошел дождь, наполнил выемку в камне – только и всего. Спорить не стала, попробовала вымыть посуду и поняла, как вздумала отомстить «хвостатая» стерва. Кипяток, мать твою, руку не опустишь! А она стояла рядом и ухмылялась.

– Будешь знать, как нападать на преподавателей. Не думай, будто магистр Эдвин забудет, – предупредила Осунта. – Не обманывайся, он может улыбаться, но на память не жалуется, припомнит. Ты по ошибке попала в академию, теперь легко из нее вылетишь.

Захлебнулась воздухом. То есть вот как! Отметки, характеристики не в счет? Уж не подстроила ли она это все, чтобы подвести под статью: «Нарушение учебной дисциплины»? Приплыли, я попала! При свидетелях... Ладно, сплюнем через левое плечо и притопнем ногой.

– Зачем вы настояли на моем перемещении? Магистр Лазавей все рассказал.

– Раз рассказал, зачем спрашиваешь? – пожала плечами Осунта. – Не устраивай истерик и работай. Жизнь, она, госпожа Выжга, не сахар, иногда следует делать то, что не нравится. Явись вы, как положено, к декану, не будь вы выскоч-

кой, успели бы собраться.

Строя планы мести завистливой стерве – да, я красивая, да, у меня муж есть, да, нравлюсь магистру Тревеусу, сумела уболтать ректора принять, обзавелась друзьями, – кое-как вымыла посуду и вернулась к месту стоянки.

Отдых закончился, мы продолжили спуск. Разумеется, после случившегося нести никто не собирался, но помог Липнер. Он поколдовал над туфлями Юлианы, чтобы они немного уменьшились. Надеюсь, кожа не безнадежно испорчена, а то хозяйка убьет за обувь – печеное яблоко.

Камни казались бесконечными. Успела проклясть все горы в известных мирах, пока выбрались в долину. А еще воздух – пока привыкнешь, задохнешься. Но ничего, упрямство в зубы и вперед. Так и шла, и, знаете, полегчало. Ноги уже не гудели, легкие не терло наждаком.

Наконец спуск закончился, и мы остановились, изумленно оглядываясь. Оморон оказался совсем не похож на Златорию! Нет, деревья есть, травы тоже, кое-какие знакомы. О небе я уже упоминала, но фиг с ним, какого оно цвета и какое на нем солнце. Не зеленое, и сойдет.

Уф, в долине не так жарко. Видимо, оттого, что меньше камней и все белоснежные. Они не греются.

Что же тогда удивило? Дорога. Вернее, то, что мы увидели на дороге. Псоглавцы, ходячие мертвецы? Мимо. Жили тут люди. Вроде не о двух головах.

Всегда полагала, для повозок необходимы лошади или бы-

ки. Оморонцы все поставили с ног на голову, соорудив самоходные экипажи. Разноцветные, с фонарями спереди, они, казалось, парили над дорогой, оставляя после себя легкий запах дыма. Рассмотреть ближе побоялись: вдруг конструкции из железа и дерева опасны?

Магистр Тшольке сказала, что чувствует магию. То ли она приводила повозки в движение, то ли охлаждала их – неудивительно с таким климатом!

Управляли странным нечто с помощью некой круглой штуки, напоминавшей колесо. Сиденья – будто в королевской карете.

Как же быстро они ездили! Мы разглядеть одну смогли только потому, что она притормозила на повороте.

Потом навстречу попалась обычная повозка, запряженная лошадью. Очевидно, на них перевозили грузы, в данном случае – бочки с пивом. Но и здесь обнаружился повод для раздумий: колеса, упряжь совершенно не такие, как в Златории. Много металла, а обод из чего-то упругого и мягкого на вид. Именно оно, судя по всему, спасало от тряски на ухабах.

Магистр Тшольке рискнула выйти на дорогу. Все равно придется общаться с местными. Увы, удача к нам не благоволила, пришлось тащиться прочь от плато по пыльной обочине. Пыль красноватая – крошка камней, принесенная ветром сверху.

Ноги в туфлях на босу ногу пузырились, я позорно ковыляла далеко позади всех. Магистр Лазавей, надо отдать ему

должное, посматривал через плечо, чтобы ничего не случилось. Он уже не хромал, двигался споро.

Мотала головой, силясь разглядеть какое-нибудь жилье. На горизонте-то, кажется, город, но должно же быть еще что-то.

Жутко обрадовало наличие воды. Мы добрались до моста через реку, самую обыкновенную, с камышами.

Пока студенты плескались в воде, магистры, перешептываясь, осматривали мост. Залезли под него и со всех сторон изучили, чуть ли не ощупали. Не понимаю, что им не понравилось: обычный каменный мост, даже без зверушек. Спрашивать не стала, все равно не ответят, но на всякий случай купалась у берега, чтобы вовремя заметить опасность.

Оказалось, Липнер отлично плавал под водой. Нырнул и хватить за икры. Завизжав, чуть не захлебнулась. Липнер подхватил, прижал к себе, спасатель хренов! И целоваться полез. Алхимиков на голодном пайке держат? Этого точно давно не кормили, прицепился как пиявка. Вот как себя вести? С одной стороны, мы в воде, а Липнер штаны не стягивает, с другой, не планировала я романтические похождения. Я девушка замужняя, не шалава какая-то, да и алхимик не герой моего романа.

– Тихо, тихо, голубок! – высвободилась я из шаловливых рук. – Слюну подбери и грудь в покое оставь.

– Я ее даже не трогал, – обиженно буркнул алхимик.

– Вот и не надо, а то мало ли.

– А что? – с вызовом спросил Липнер и покосился на магистров. – Слушай, Агния, – шепнул он, вновь потянувшись к талии, – они там надолго, мы успеем.

Ох, шустрый! Как в другой мир попал, сразу хвост распустил. Иди, милый человек, с Юлианой милуйся. Она, кстати, укоризненно на нас смотрит. Да нешто я голубя в сети заманивала – само приплыло, мне не треба.

Дура, конечно. Вон Юлиана, вещи на бережке оставила. Или как раз дура она? Что-то не разгляжу, в чем купается, неужели мужчин смущает? Они ведь – хоть алхимики, хоть магистры – на женское тело падки.

– Ты меня неправильно поняла, – оправдывался Липнер, – я насильничать не собирался. Честно-честно!

Заглянула в глаза – вроде не врет. Или у них, алхимиков, все иначе? Недаром женихами в академии кличут.

– Я тебе одежду высушу, – продолжал змей, потирая ушибленный бок.

– А взамен? – Не верю я в бескорыстие.

– Да так, – замялся Липнер. – Ты... ты мне понравилась. Прости.

Вот так, а я уже колкое слово заготовила. Ладно, пусть ухаживает. Во что бы ноги без алхимика превратились? Угу, в кровавое месиво.

Поспешно вылезла на берег, стыдливо прикрывая интересные места рукой. Пусть там и белье, но не для чужих глаз. Липнер плелся следом, пожирая взглядом. Невольно оцени-

ла его как особь мужского пола: полный комплект, лохматое половозрелое чудо.

Вспомнила о Хендрике, подавальщицах и махнула рукой. Пококлетничаю немного, плоды поснимаю. Использую? Да не больше, чем он меня. Или я должна любовью небесной воспылать? Как же, на второкурсницу без дара обратил внимание пятикурсник-алхимик!

Словом, женское коварство в виде меня грелось у магического костерка и травило байки, потчует Липнера то голой ступней, то улыбкой. Парень смотрел, а потом снова полез целоваться.

Дыхание у алхимика оказалось частым, а губы – настоячивыми. Пальцы тоже обжигали не хуже пламени и так желали добиться взаимности, что я аж оторопела.

Внутри кольнуло. Хендрик, увы, что такое любовь и страсть, давно забыл. Супружеский долг быстренько, кое-как – и спать. Какие поцелуи, какие ласковые слова? Вот послушаю немного и дам Липнеру пощечину.

– Так, это что такое? – Алхимика приподняло за шкуру, будто котенка, и подвесило над землей. – Не ожидала, Липнер Гедаш, поставлю перед ректором вопрос о вашем моральном облике.

Я хихикнула, оправляя одежду: такое потешное у Липнера было выражение лица. Даже ругаться расхотелось.

Магистр Тшольке между тем продолжала измываться над смутившимся парнем, затеяв лекцию о размножении и вза-

имоотношении полов. Досталось и мне.

– Да мы только целовались, – брякнула, спасая супружескую честь.

Только, боюсь, для Осунты поцелуй – нечто противозаконное. Ишь, как глазом косит! Не понять ей, что иногда хочется внимания. Всего лишь немного ласки, что плохого? Не в постель же я с Липнером легла! Вот еще, обойдется!

– Не ожидала от замужней женщины, – прошипела магистр, едва слюной не подавилась. – Вам бы пример подавать, а вы, госпожа Выжга, развращаете студентов.

– Кто тут кого развращает? – послышался голос магистра Лазавея. – Не смешите, Осунта! Девочке восемнадцать, а этот увалень, при всем уважении, не похож на невинного ребенка. Ему двадцать три, между прочим.

Раз – и Липнер мягко спланировал на землю.

Маг потряс рукой, сбрасывая голубые искры, и посоветовал коллеге оставить нас в покое.

– Они взрослые люди, сами разберутся и, надеюсь, поймут, что первый день в чужом мире – не самый лучший момент для близких взаимоотношений.

Не сговариваясь, мы с Липнером насупились. Я поспешила брякнуть, что парень сам целоваться полез.

– Меня это не интересует, – отмахнулся Лазавей. – Заканчивайте купания и обнимания: мы должны до темноты добраться до жилья. И молитесь, чтобы нас не убили.

М-да, хорошее предупреждение!

Сразу взгрустнулось и с новой силой захотелось в Злато-
рию.

Жестами дав Липнеру понять, целоваться больше с ним
не стану, а вот в глаз дам, позвала Юлиану и отыскала туфли.

Ровно через пять минут мы выдвинулись и снова попле-
лись по обочине дороги.

Не прошло и часа, как судьба послала встречу с местным
населением. Местность равнинная, ни деревца, ни кусти-
ка, ни камушка, спрятаться некуда, а бежать – глупо. В об-
щем, нас нагнала одна из подвод, тех, которые нормальные.
Большая, шестиколесная. Управляли повозкой двое муж-
чин. Одеты в рубашки, штаны, отличного от нашего покроя:
светлые, с узкими кожаными поясами. На ногах – короткие
сапоги на шнуровке. Занятно: в Златории шнуровка – деви-
чья прерогатива.

Мы, не сговариваясь, старались не показывать интереса
к облику незнакомцев, не тыкали пальцами. Вышло плохо,
даже магистры сдались под напором любопытства.

Оморонцы, в свою очередь, разглядывали нас, а потом за-
говорили.

– Айканэ?

Приплыли: языка-то мы не знаем. Сейчас доложат кому
надо, и все, погибли смертью храбрых. Только умирать не
хочется.

Вот зачем вылезла, сама не знаю. Заулыбалась и брякнула:
«Мы приезжие». А что? Мнимый хроникер «Академическо-

го вестника» балакать по-местному не обязан. Ляпнула еще пару фраз, игнорируя шипение старших, скрутила дулю за спиной ретивому Липнеру, собравшемуся оттащить в сторону, и смело шагнула к лошадям. Если уж за красоту взяли, буду отрабатывать свой хлеб.

Оморонцы переглянулись, зашептались. Потом один потянулся к котомке, напоминавшей суму почтальона, только из кожи, и вытащил блестящий кругляшок на ремешке. Оморонец закатал рукав и закрепил вещьцу на запястье, как браслет. Ткнул пальцем в блестящую поверхность, и пространство вокруг нас на мгновение заискрилось.

Не испугалась: опасности не почувствовала. Да и куда бы делась? Магия пришибет быстрее, чем за спину магистров спрячусь.

– Ка маат, – требовательно обратился ко мне оморонец.

– Чего? – невежливо вытаращилась я.

Неужели непонятно, что их язык – тарабарщина?

Кругляшок-браслет завибрировал и мигнул. Спустя пару мгновений меня на чистом златорском спросили:

– Кто вы и откуда?

Голос звучал глухо, странно, но понятно. Наверное, магия – та штучка помогла.

Открыла рот, чтобы ответить, но меня опередили. Магистр Лазавей дернул за руку и препоручил заботам Осунты. Та железной хваткой вцепилась в плечо, я даже вскрикнула: больно же! А стерве будто того и надо. Стоит, добро-

желательно иномирянам улыбается и меня так медленно, но верно локтем за спину отпихивает. Ладно, надо так надо, но синяки-то ставить зачем?

Магистр тем временем приосанился и начал плести паутину лжи. А может, и не лжи: не знаю, как наш мир называется. Словом, сказал, мы с Ноитара, напутали с перемещением в пространстве и оказались здесь.

– Судя по выкладкам, попали в Оморон, один из Триединых миров. Если ошибся, поправьте меня.

Местные уставились на магистра с уважением. Судя по всему, они понятия не имели ни об Омороне, ни о Ноитаре, ни тем более о Триединых мирах. Значит, тут ценят тех, кто способен ходить сквозь пространство. Только почему Лазавей не воспользовался первоначальной версией об «Академическом вестнике»?

– Раз уж вы нам повстречались, не подскажите координаты вашей системы?

Оморонцы недоуменно переглянулись и замотали головой.

– Вы лучше в городе спросите, у тоэрадос.

– Тоэрадос – это кто? – подала голос Осунта, слегка подавшись вперед.

Она пристально обвела взглядом повозку и ее владельцев. Боевой маг, привыкла во всем искать подвох. Правильно, вдруг засада?

Кругляшок перевел «тоэрадос» как «господа, те, кто не

крестьяне». В итоге поняли: нас посылали к ученым.

Завязался благожелательный разговор, в ходе которого магистр Лазавей, не вызывая подозрений, выяснил название страны – Шойд, ближайшего города – Номарэ и краткое описание устройства здешнего общества. Интересовал его также уровень развития науки: правда ли, что у них есть мощные артефакты, которые выкинут в нужное место? Все так ловко спросил, чисто из шкурного интереса. Мол, заплатим за перемещение, раз так судьба повернулась. Возницы понятия не имели ни о каких артефактах, опять-таки отправили к ученым, в университет. До него отсюда далековато, впрочем, мы туда и не собирались.

Оморонцы любезно предложили подвезти до Номарэ. Они разглядывали нас, как зверьков, а мы старательно улыбались. Вернее, я и Юлиана, как и положено девушкам в хорошем расположении духа. Другие то ли не желали казаться идиотами, то ли полагали, что уже выполнили норму дружелюбия, и хранили сосредоточенное выражение лиц.

Устроившись на мешках рядом с Юлианой, я глазела по сторонам. Искала стога, коров, овец и дивилась. Никто не бродил по полям, скот кучно щипал траву за заборами, походившими на архитектурные сооружения. За ним выпас и искусственный пруд.

Дома оказались вполне обычными, но добротными, богатыми. Все сплошь двухэтажные, с цветниками и непонятными столбами перед крыльцом. Водостоки, ямы для сбора во-

ды с дорожек. В деревне-то! Выходит, на Омороне даже у крестьян простейший водопровод есть? Невольно позавидуешь. У матушки в деревне все по старинке, ведра да удобства во дворе. У нас в городе, благодаря Хендрику, ничего не отморозишь, а вода дровами нагревается без вреда для спины, но помой опять-таки в яму выливаю.

Эх, самого интересного магистр не выяснил! Кто у них тут главный: король, жрецы? От этого многое зависит. Если мы ищем Первосвященника, он наверняка вертится рядом с верхушкой, стремится подчинить себе, а то и править вместо нее.

Вспомнила о своей роли и прониклась горячим желанием совершить-таки маленькую женскую месть. Ладно, магистр Лазавей уже получил, а вот Осунта осталась безнаказанной. Это по ее вине муж остался без жены. Задумалась о том, что выкинет Хендрик, и ужаснулась. С него станется устроить скандал, который закончится отчислением. И помешать не сумею. Плюс женщины. В голову упрямо лезли всякие подавальщицы и соседки. Оставила мужика на столько месяцев без присмотра! Он видный, осанистый, гулена. Помню ведь, с каким трудом отбила. Нет, на горячем не ловила, но хвостом вертел, стоило отвернуться.

Не заметила, как Липнер перебрался ближе и, воспользовавшись случаем, обнял за талию. Не соврет, будто случайно ухватился: не трясло совсем, даже странно, плавно двигались, словно плыли.

– Агния, ты какие цветы любишь? – Вконец обнаглевший алхимик, дорвавшийся до женского пола, оттеснил от меня фыркающую Юлиану.

Руки скинула, шаловливые губы отвадила обещанием ненароком откусить язык.

– Но тебе же понравилось! – насупился Липнер.

Вот ведь бес! Целовалась, не спорю. Увлеклась ты, Агния, учебой, а природа-то свое берет. Только никаких видов на алхимика не имею, не нужен в качестве любовника.

– Липнер, я замужем и разводиться не собираюсь.

Не помогло. Алхимик отчаянно набивался в друзья сердечные. Насупился, телодвижения в воздухе делать начал. Колдует?

– Не получится, – нарушил наше уединение магистр Лазавей. – Ты ошибся. И, студент Гедаш, мы вам не мешаем? – гаденько добавил он. – Руки на девичьих коленках – это прекрасно, но не в качестве публичного явления.

Бесов хвост, Липнер действительно меня по коленке гладит! От жары голову снесло? Говорят, у послушников случается. Нас, деревенских девчонок, ими пугали, чтобы честь блюли. Вот, рассказывала баба Ядвига, попадетесь, бесстыжие, послушнику, отпущенному настоятелем родню повидать, а отпускают их раз в десять лет, и... Словом, бедные послушники до смерти могут.

За коленки алхимик получил сполна. Расцвела пощечина алым цветом.

Интересно, что там у Липнера не вышло? Вдруг приворотом баловался? Запрещено ведь.

– Получится, – упрямо заявил ничуть не смутившийся Липнер.

– Упрямы вы, студенты! – вздохнул магистр и перебрался к нам. – Не твоя специализация. Две ошибки в плетении уже есть. Косое, плохо проработанное.

Удивленно покосилась на Лазавея. Он при чужих признался в знании магии! Потом вспомнила о легенде и расслабилась. Зря, Агния, потому как у Хендрика появился бы блистательный повод для ревности, увидь он нашу честную компанию. Заерзала, раздумывая, а не подлезть ли под руками и перебраться под бок к Осунте?

Маги увлеклись. Липнер заканчивал невидимое плетение, от которого чесались ладони, а магистр внимательно наблюдал через мое плечо. Кашлянув, поинтересовалась, не лишняя ли я, и замерла с открытым ртом: цветы! Прозрачные, но на ромашки похожи.

Гордый Липнер вручил творение своих рук. Поблагодарила и проверила, не рассыплются ли на составляющие.

– Вижу, подправил решетку, – одобрительно хмыкнул Лазавей. – Но за заклинание «удовлетворительно».

– Почему? – обиделся алхимик. – Я первый на курсе, магией воздуха владею.

– Чтобы владеть, нужно хотя бы академию окончить, – наставительно заметил магистр, наглым образом отобрал ро-

машки и принялся разглядывать.

Потом глянул на меня и огорошил:

– Изначально Гедаш начаровал не цветы, а забавную вещь, требующую физического контакта с... – он замялся и кашлянул, – кхм... объектом.

Возмущенно глянула на старшекурсника и вlepила вторую пощечину. Он на меня «петлю очарования» набрасывал? Читала о такой, видела последствия. Алхимик, разумеется, отнекивался, а Лазавей таинственно улыбался, заверив, что ничего страшного не случилось бы. То есть магическое увеличение мужской привлекательности – это нормально? Больные маги, не иначе, даже с девушками не по-людски знакомятся.

Покосилась на магистра: интересно, он тоже чарами балуется? Будто прочитав мои мысли, тот заверил, любовная магия у студентов хромает на обе ноги, а взрослые особи ею не пользуются.

– Только представьте, госпожа Выжга, что будет, если вас поймут за подобным занятием? Определенная слава обеспечена. Да и зачем? Видимо, Липнер Гедаш несколько не уверен в себе...

– Зато вы чересчур, – смело ответила я и прищурилась.

Уж не соперничает ли преподаватель со студентом? А то сразу тут как тут, рядышком уселся. Но руками не трогает, в шею не дышит, просто взглядом буравит.

Магистр Лазавей засмеялся и вернул ромашки.

– Агния, вы решили, будто я... Нет, вы красивая девушка, но увы! Поэтому чересчур уверены в себе именно вы. Интересно, найдется ли хоть один курс, на котором девушки не станут придумывать невесть что? Знали бы вы, сколько проблем доставляете своим кокетством!

Извинилась, но подозрения не развеялись. Сдается, магистр Лазавей совсем не прочь со студентками. Иначе зачем сидит рядом, улыбается – после истории с веткой-то! Не иначе оценил формы на речке, именно после нее внимание оказывать начал.

– Агния, – укоризненно покачал головой маг, – займитесь чем-нибудь полезным, а фантазии «учитель и ученица» оставьте. Не надо краснеть, я по лицам умею читать.

– Да, – подала голос напряженно прислушивавшаяся к разговору Осунта, – Эдвин, на тебя вечно кто-то вешается, а потом плачет в подушку.

– Обычно так экзамены сдать пытаются, – рассмеялся магистр. – Девочки, что с них возьмешь! Липнер, показать, где вы ошиблись?

Алхимик кивнул, и мужчины углубились в магию. Я ничего не понимала в выкладках, вертела в руках ромашки и смотрела по сторонам.

Город между тем приближался, и самодвижущихся повозок становилось больше. Теперь я смогла их рассмотреть и уверилась, без магии такое двигаться не может. Наверное, некий дух живет впереди, в выступающей части, к которой

крепились фонари и широкое стекло с тряпкой на шесте.

Перебралась к Юлиане, чтобы шепотом обсуждать диковинки. Краем глаза заметила, магистр Тшольке тоже поражена Шойдом. Одни кирпичные трубы на городских окраинах чего стоят! Высокие, огромные, пронзающие небо. К ним пристроены кирпичные же бараки.

Дорога, мощенная ровными деревянными ромбиками. Как начались предместья с трубами, мельницами и винокурнями, сразу появился народ. По обочине шагали люди, одетые как наши возницы. Попадались женщины в юбках с высокой талией и разноцветных кофточках. Штаны модницы тоже носили, Осунте нечего опасаться.

Втроем – мужчины по-прежнему не желали ничего видеть, кроме магии, – дружно ахнули, когда увидели даму под зонтиком верхом на двухколесной конструкции. Казалось, она должна непременно упасть: невозможно держать равновесие на тонюсеньких ободах, но не падала.

Никогда не видела такой штуковины, даже не знаю, как и назвать. Два колеса, соединенные железными полосами, сиденье, упоры для рук и ног. Ноги крутят вертушку, и едешь.

Любезно согласившиеся подвезти оморонцы (пожалуй, правильнее именовать их шойденцами – по названию государства) свернули к пекарне. То, что это именно она, подсказывал нос: божественно пахло сдобой, даже слюнки потекли.

Спешились, поблагодарили за заботу и дальше побрели пешком. Шушukaющиеся магистры шествовали впереди, пе-

риодически подгоняя нас, студентов, разевавших рты на все и вся. А как иначе, если Оморон совсем не похож на наш мир? В самом городе дома огромные, не меньше трех этажей, сплошь каменные и кирпичные, изредка оштукатуренные. Никаких наличников, палисадников. Фасады прорезают арки с воротами. За ними – закрытые дворы. Я заглянула в один: тоже мощеный, с поилкой, деревцем и клумбой. На веревках белье сушится, белое-пребелое.

Выбравшись на широкую улицу, едва не попали под лошадей, тянувших по железным желобам, проложенным вдоль пешеходного настила, аккуратно за сточной канавой, крытую большую повозку, заполненную людьми. Возница обругал ротозеев, прохожие поддерживали.

Воспользовавшись остановкой, какой-то человек вскочил в повозку, протянул монетки мужчине в синей косоворотке и пристроился с краю, держась за протянутую по бокам веревку.

Лошади дернулись, и непонятный экипаж покатиł дальше, свернув за угол.

Голова шла кругом от разнообразия того, на чем тут ездили. И все такое шумное!

Видя, что мы ползем медленнее улитки, магистры приняли решение отдохнуть от городской суеты и облюбовали открытую террасу харчевни. Спорить не стала. Им виднее, но златорские деньги здесь не примут.

– Так, сидеть здесь, ни с кем не разговаривать, ничего не

делать, — деловито скомандовал Лазавей. — Осунта, позаботьтесь о невидимости.

Магистр Тшольке кивнула. Заклинание зазмеилось под пальцами, занавесив всех полупрозрачным куполом. Он скрывал нас от любопытных глаз, делая незаметными. Только, по-моему, внезапное исчезновение пятерых человек обязательно привлечет внимание. Или тут магия — привычное дело? Наверное, иначе бы подвозившие нас крестьяне, боясь, давно скинули непрошенных попутчиков на полном ходу и донесли властям. А они даже счастливого пути пожелали. Опять же в харчевне никто и бровью не повел. Исчезли посетители и исчезли, никто и не обернулся. Чудные дела!

Глава 5

Удивительное как обыденность

Хотелось есть, но нечего и не на что. Хотя... Тихо спросила у Юлианы, не осталось ли чего от сухого пайка.

– Последний бутерброд твой, – улыбнулась она и потянулась к дорожному мешку.

Не удержавшись, глянула туда: не только одежда и женские штучки, но и книги, целых две. И не тяжело ей таскать?

Бутерброд успел зачерстветь, но с голода и не такое сжужеешь. Мы поделили его по-сестрински, на зависть Липнеру, демонстративно глотавшему слюну. Мужчины должны уступать дамам, не так ли? Конкретно эта особь и вовсе мне задолжала, хотя бы за погубленную репутацию. Что бы там ни возомнил алхимик, поцелуи застали врасплох. Если бы муж навещал чаще... Хорошо, Хендрик тут ни при чем, сама оголодала по ласке, только вот не настолько, чтобы изменить благоверному. Если на то пошло, Липнер мне совсем не нравился. Словом, пусть расплачивается и за свою, и за чужую совесть.

– Как ноги? – заботливо поинтересовалась Юлиана.

– Терпимо. Я тебе набойки новые поставлю, не переживай.

– Да ладно, не особо они мне нравились, – отмахнулась

магичка.

Воспитанная женщина никогда не признается, что ей жалко чего-то, отданного подруге, а потом станет рыдать над испорченной вещью.

После еды настроение улучшилось. Настолько, что шум и гам нового мира перестали пугать до одури. Захотелось обменяться впечатлениями, и в итоге троица студентов шепотом, сбившись в группку, обсуждала омеронские реалии.

Самодвижущиеся повозки чередовались с привычными колясками, редкими всадниками и каретами на рельсах. Последние перевозили всех желающих за деньги. Принцип движения общественных повозок поняла быстро, но вот как приводились в движение рыкающие создания с фонарями? Липнер ставил на магию воздуха, однако ничего толком объяснить не мог: «Я должен взглянуть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.